
Айлин Лин
Графиня
Оболенская
Новые горизонты

Графиня Оболенская

Айлин Лин

Графиня Оболенская. Новые горизонты

«Автор»
2026

Лин А.

Графиня Оболенская. Новые горизонты / А. Лин — «Автор», 2026 — (Графиня Оболенская)

Санкт-Петербург, 1895 год.Мой проект моста через Неву признан лучшим, а первый русский автомобиль готовится выйти на старт гонки Париж - Бордо.Вот только французы сделают всё, чтобы моя машина не доехала до финиша, а влиятельные господа в Петербурге готовы сорвать строительство моста, чтобы доказать, что женщинам не место в инженерном деле.Вот только я никому не дам себя прогнуть, сколько бы денег и власти ни было у моих противников.Подписка.Проды по Вт, Чт, Сб.Спасибо всем, кто ставит сердечки###и оставляет комментарии!

© Лин А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 11
Глава 3 17
Глава 4 24
Глава 5 30
Глава 6 36
Глава 7 43
Глава 8 50
Глава 9 56

Айлин Лин
Графиня Оболенская. Новые горизонты

Глава 1

Рига. 5 декабря 1894 года

Лейтнер сбросил брезент, и я, замерев на мгновение, медленно пошла вокруг машины, стараясь разглядеть всё и сразу.

В прошлый мой приезд рама стояла на подставках, а возле неё были разложены детали передней оси. Теперь же картина изменилась: спереди установили двигатель с медным охладителем, за ним поднималась наклонная рулевая колонка с деревянным колесом, а на месте будущего кузова закрепили настил и временную скамью для двоих. Через промежутки между досками виднелись тяги. По обеим сторонам рамы тянулись цепи, передававшие вращение задним колёсам.

Без капота и кузова наша «Победа» выглядела странно. Сложно было понять в этой сборке, что это мой будущий автомобиль.

- Скамью не браните, - предупредил Александр Александрович, заметив, как я, прищурившись, рассматриваю сиденье. - Эта временная. Для пассажиров будет другая.

- Понятно, - кивнула я и наклонилась над рамой, но Пётр придержал меня за локоть.

- Сашенька, шнурок.

Шнурок с накидки и впрямь свесился к одной из тяг и я резко выпрямилась.

Макар принял у меня накидку, после чего я смогла осмотреть машину без помех. Лейтнер отвёл для наших машин часть старых мастерских. Новая фабрика ещё строилась, а ждать окончания стройки мы не собирались. За дощатой перегородкой продолжали работать над велосипедами. Оттуда доносились удары молотка и громкие голоса, временами даже перекрывавшие наш разговор.

- Как видите, двигатель поставили, - продолжил Александр Александрович, - но пришлось переделать переднюю поперечину. На чертеже крепление выглядело удобнее, чем оказалось при сборке.

Костович присел возле мотора и, кивнув, указал на болты.

- Теперь до каждого можно добраться ключом. Прежде один упирался головкой в балку. Снять мотор ещё удалось бы, а поставить обратно без ругани вряд ли.

Я присела рядом с ним. Двигатель стоял низко, а над ним оставалось место для будущего капота. Испаритель закрыли щитком, чтобы одежда сидящего впереди человека не могла коснуться нагретых частей. Провода закрепили вдоль рамы, убрав подальше от цепей.

Тимофей возился с маслёнками. У его ног стоял ящик с инструментом, а на верстаке лежала раскрытая тетрадь с записями.

- Вы теперь у нас главный водитель? - спросила его я.

- Пока единственный, Александра Николаевна, - поднял голову он и улыбнулся.

- Скоро придётся учить других, - заметила я. - Два экипажа собираем, а управлять ими умеете только вы.

- Сперва пусть этот поедет, - вмешался Костович. - Успеем учениками обзавестись.

Огнеслав Степанович произнёс это с напускной небрежностью, однако по тому, как нервно он вертел свою любимую трубку в руках, становилось ясно, что волновался он ничуть не меньше моего.

После объявления результатов конкурса прошло тринадцать дней. Я успела получить ворох поздравлений, и даже провести несколько совещаний по мосту. Как я и предполагала,

после присуждения премии свободного времени у нас стало ещё меньше. Тарасов уже составил список расчётов, которые предстояло уточнить для дальнейшей разработки «Золотого Рога».

И всё же, получив телеграмму Лейтнера, я отложила все дела, поездку на мебельную фабрику в том числе, и начала собираться в Ригу.

И вот я стою возле нашей первой машины и никак не могу перестать улыбаться.

- Что будем проверять сначала? - азартно спросила я, посмотрев на инженеров.

Александр Александрович пригласил нас пройти к столу и ткнул в журнал, в котором были подготовлены графы для времени работы, нагрузки и замечаний. Отдельно следовало записывать состояние колёс и цепей после каждого выезда.

- Сперва без груза. Проверим управление и тормоз. Затем нагрузим до расчётной тяжести, включая будущий кузов.

У стены лежали мешки с песком, на каждом мелом обозначили вес.

- На большой скорости сегодня не поедем, - добавил Лейтнер. - Во дворе для этого места нет. Но поворот, трогание и остановку проверить сможем.

Пётр склонился над журналом.

- А кто будет записывать?

- Я сам, - отозвался Александр Александрович, улыбнувшись.

- Тогда часы возьму на себя, - предложил муж.

Я с благодарностью посмотрела на него. Пётр приехал со мной, хотя в Петербурге у него хватало дел, и с утра терпеливо слушал наши разговоры о цепях и подшипниках. Впрочем, терпеливо вовсе не значило без интереса. Вчера за ужином он расспрашивал Костовича так подробно, что у меня закралось подозрение, а не начал ли супруг тайком изучать машиностроение, при этом забросив все свои дела?

Во дворе заранее расчистили дорожку. Снег лежал вдоль забора, возле водостока намёрзла полоска льда, и дворник по моей просьбе посыпал её песком.

Машину выкатили наружу вручную.

Тимофей ещё раз проверил подачу масла. Второй механик прогрел испаритель, после чего Костович велел убрать лампу и сам встал возле двигателя.

Я знала этот порядок, однако теперь всё воспринималось иначе. На стенде мотор вращал вал и нагружал тормоз. Здесь от его работы должны были прийти в движение колёса.

Двигатель завёлся не сразу. Тимофей дважды остановился, чтобы изменить подачу, а при следующей попытке мотор подхватил и заработал.

Доски временного настила задрожали и моё сердце гулко забилось в унисон с нашим двигателем.

Не передать словами, что я почувствовала! Едва сдерживаемый восторг! Так хотелось крикнуть Юху! И броситься в пляс, станцевать джигу-дрыгу. Взяв себя в руки, посмотрела на Огнеслава Степановича.

Костович прислушался, наклонился к испарителю, поправил положение крана. Звук стал устойчивее.

- Можно, - наконец разрешил он.

Тимофей уселся на скамью. Его ноги скрылись под настилом, правая рука легла на рычаг.

Мотор продолжал работать, а машина стояла. Механик включил передачу, начал соединять муфту, и «Победа» дёрнулась.

Я подалась вперёд, затаив дыхание. Весь мир сузился до нашего автомобиля, всё остальное отошло на второй план.

Тимофей разъединил привод, выждал несколько мгновений и попробовал снова. На этот раз колёса повернулись плавнее. Машина двинулась вдоль стены, оставляя на присыпанной песком мостовой полосы.

Я смотрела ей вслед, чувствуя, как у меня немеют от напряжения пальцы.

- Едет… - тихо выдохнула я, боясь моргнуть.

Пётр услышал и улыбнулся.

- Вижу.

- Петя, она едет!

- Сашенька, я вижу, - рассмеялся он и нежно обнял меня за плечи. Я на мгновение прижалась к нему, при этом не отрывая взгляда от автомобиля.

У дальнего конца двора Тимофей повернул. Внутреннее колесо отклонилось сильнее наружного, экипаж описал дугу и направился к нам. Доехав до условленной отметки, механик разъединил муфту и затормозил.

Машина остановилась.

А я, не пытаясь больше сдерживаться, счастливо рассмеялась.

Костович снял шапку, провёл дрожащей ладонью по волосам, справившись с эмоциями, повернулся ко Лейтнеру и сипло спросил:

- Ну, что скажете, Александр Александрович?

- Пока ничего. Ещё раз проедем, - отозвался тот и склонился над журналом с широкой улыбкой на губах, глаза сияли, как звёзды. Мастер был крайне доволен результатами.

После второго круга осмотрели крепления. Тимофей проверил колёса, а Костович заглянул под настил. Утечек не нашли. Цепи сохранили натяжение, гайки на креплениях двигателя не сдвинулись относительно нанесённых меток.

Заводские рабочие побросали свои дела и скучковались у ворот. К слесарям, собиравшим машину, присоединились мастера из соседнего велосипедного цеха. Все они во все глаза смотрели на происходящее. Одни улыбались, гордые результатами своего труда, другие вытягивали шеи, стараясь получше разглядеть невиданную машину.

Лейтнер, наигранно нахмурившись, оглянулся на них:

- Насмотрелись? А теперь марш за работу!

Народ нехотя разошёлся.

Мы начали нагружать машину. Мешки укладывали на настил и крепили ремнями. Под их тяжестью рессоры прогнулись, и рама опустилась ближе к осям. Тимофей проверил, не мешает ли груз тягам, и снова занял место.

С полной нагрузкой машина тронулась медленнее. Механик проехал вдоль стены, остановился, затем повторил то же самое в обратном направлении.

Я уже порадовалась, что всё прошло в целом неплохо, когда услышала скрип. Тимофей как раз поворачивал у приготовленной для испытаний доски. Левое переднее колесо поднялось на неё, и звук повторился.

- Стой! - крикнул Лейтнер.

Механик затормозил и заглушил двигатель. Мы собрались возле передней оси. Тимофей первым заметил потёртость.

- Покрышкой за раму задело.

На внутренней стороне шины чернел свежий след. Ответная полоса осталась на продольной балке. Александр Александрович присел и провёл пальцем по месту касания.

- Без груза проходило, - произнёс он с досадой.

- Колесо выше поднялось, - отозвался Костович.

Я наклонилась, разглядывая зазор. Когда рессора осела, рама приблизилась к оси, а на повороте шина оказалась под балкой. Доска добавила как раз ту величину хода, которой не хватало для соприкосновения.

- Обе стороны проверяли при таком положении? - спросила я.

Лейтнер покачал головой.

- На вывешенной оси проверяли. С грузом вчера поворачивали на полу.

Он выпрямился и подозвал помощника, чтобы тот принёс мерительную линейку.

Я отошла, освобождая место возле колеса. Было, конечно же, досадно, однако ничего страшного не произошло. Если бы решили сразу выехать на дорогу за заводом, и разогнаться, этот скрип мог окончиться порванной покрышкой.

Александр Александрович попросил разгрузить переднюю часть, после чего машину осторожно скатили с доски. Мы поочерёдно проверили оба колеса, повторили поворот с грузом и без него.

С правой стороны шина тоже подходила к раме опасно близко.

- Придётся ограничить поворот, - решил Лейтнер. - Для сегодняшней проверки этого хватит. Дальше посмотрим размеры передней оси и расположение балок.

- Разворачиваться станет труднее, - заметил Костович.

- Станет, но оставлять так нельзя.

В мастерской мы разложили лист на верстаке. Александр Александрович обозначил места касания и вписал снятые размеры. По рисунку колесу хватало места, пока я мысленно не подняла его относительно рамы и не повернула внутрь.

Вот и получили результат раздельной проверки. Ось рассчитывали, рулевое устройство испытывали, рессоры нагружали, а нужное сочетание положений упустили.

- В журнале следует отдельно отметить поворот при сжатой рессоре, - предложила я. - И когда одно колесо выше другого.

- Добавлю, - кивнул Лейтнер, снял очки и протёр их платком. - Для грузовой машины тоже.

Костович тем временем вернулся к автомобилю. Они с Тимофеем проверили, не повреждена ли покрышка глубже потёртого наружного слоя, и только после этого Александр Александрович занялся ограничителями.

- Расстроилась? - вполголоса спросил муж, стоявший рядом со мной.

- Есть немного.

- Она ведь поехала.

- Да, - вздохнула я. - И я уже успела мысленно отправить её в Париж на выставку, представила лица французов, как их челюсти пробивают пол в изумлении и восхищении.

Муж усмехнулся.

- Тогда хорошо, что колесо заскрипело здесь, а не там, вот бы позору было.

Я, представив эту картину, ткнулась лбом ему в плечо и печально хмыкнула.

***

Пока механики работали, Лейтнер пригласил нас в контору. Там было теплее. У печи сушились рукавицы, возле шкафа стояли несколько образцов велосипедных рам. Я устроилась за столом и, сняв перчатки, обхватила кружку с горячим чаем.

Александр Александрович вынул чертежи кузовов.

- С мастером я договорился, но до окончательной сборки рамы он просит не начинать подгонку нижних креплений.

- Разумно, - согласилась я. - Сегодня у нас как раз появилась причина ещё раз посмотреть переднюю часть.

Для грузовой машины предназначались простая кабина с крышей и дощатая платформа. Откидные борта следовало снабдить крепкими запорами. Скамья водителя, подножки, место для инструмента. От сложной отделки я отказалась давным-давно.

С «Победой» предстояло повозиться дольше.

Положив рядом общий вид, я указала на закругление задней части.

- Здесь мастер согласился сохранить форму?

- Согласился, но просил передать, что за неделю такого не сделает.

- Какие сроки он обозначил?

- Для грузовой кабины и платформы от четырёх до шести недель после получения окончательных размеров. Если будем беспрестанно что-нибудь менять, срок увеличится.

Я сделала пометку в своём блокноте.

- А «Победа»?

- Три месяца. Может понадобиться четвёртый. Двери, стёкла, подгонка обшивки… Он хочет сначала собрать деревянный остов и показать его вам.

- Добро, - кивнула я и сделала осторожный глоток горячего чая.

Весь кузов из стали мы пока не вытягивали. Для этого потребовалось бы оборудование, о покупке которого сейчас и думать не стоило. Несущий остов решили делать из выдержанного ясеня, металлическую обшивку подгонять по деревянным шаблонам. Отдельные участки сложной формы предстояло выколачивать вручную.

Каретные мастера умели работать с такими материалами. Трудность заключалась в том, чтобы они выдержали наши размеры и не добавили лишнего веса, пытаясь сделать понадёжнее каждое соединение.

- В смете вес кузова указан? - уточнила я.

- Указан. К тому же мастер пообещал взвешивать готовые части.

- Хорошо, - одобрила я.

До сих пор я требовала уложиться в пятьдесят пудов вместе с пассажирами и горючим. После установки настоящих деталей эта цифра начала беспокоить меня сильнее. На бумаге мы охотно отдавали запас тому или иному узлу, а при сборке выяснилось, что запас этот давно потрачен.

- На отделке сэкономим вес, если понадобится, - проговорила я. - В сиденьях должно быть удобно, но резьба на деревянных частях нам не нужна.

Костович, вошедший в контору, услышал последние слова.

- Вот это верно, Александра Николаевна. А то поставят диван, как у меня в гостиной. Его четверо рабочих еле с места сдвигают, - Огнеслав Степанович сел, вытянул ноги к печи и потёр ладони, согревая окоченевшие пальцы. - Ограничители поправили. Сейчас ещё раз всё проверят.

Я же вернулась к своим записям.

Если грузовая машина получит кабину и платформу в январе, мы успеем испытать её зимой. Второй двигатель ещё предстояло закончить и доставить из Петербурга, зато значительную часть решений уже проверили на первом.

С «Победой» выходило сложнее. Кузов будет готов к марту, а при задержке к апрелю. Затем потребуется время на окончательную сборку и дорожные испытания. Если готовить машину к зарубежному показу, свободных недель почти не останется.

- Вы всё-таки намерены везти экипаж во Францию? - спросил Лейтнер, заметив название города в моём блокноте.

- Намерена. Обе машины, если удастся договориться о показе грузовой.

Александр Александрович открыл ящик стола и вынул газетную вырезку на французском.

- Здесь пишут о будущем состязании. Я хотел вам показать.

Я прочла заметку, задумалась, прикидывая… После летнего испытания экипажей на пути из Парижа в Руан французы готовили новое, гораздо более длинное. Предлагался маршрут до Бордо и обратно. При состязании намеревались устроить выставку, чтобы публика могла осмотреть машины.

Я помнила этот пробег. Название встречалось мне в прежней жизни, когда я читала об истории первых автомобилей. Подробности, конечно же, выветрились, но не беда. Поучаствовать непременно стоило. Итак, протяжённость пути тысяча двести километров.

- Приличное расстояние, - заметил Пётр.

- Да, - согласилась я.

- Вы собираетесь участвовать? - Лейтнер посмотрел на меня поверх очков.

- Надо бы разузнать точные условия.

- О них ещё совещаются, - пожал плечами Александр Александрович.

- Значит, нужно следить за происходящим, чтобы успеть подать заявление.

Костович, слушавший нас, возмущённо вскинулся:

- Александра Николаевна, вы ведь только что видели, сколько у нас работы! Боюсь, это соревнование наш автомобиль не пройдёт.

- Пройдёт, мы подготовимся и решим все вопросы. Но выступить обязаны, пусть знают, что русские ничуть не отстают в прогрессе. А даже превосходят! - фраза получилась несколько пафосной, но меня распирало и хотелось всем конкурентам утереть нос.

Мне было мало выставить автомобиль перед публикой, выслушать похвалы и вернуться домой с несколькими газетными заметками. Я хотела вернуться с победой, чтобы наш триумф разошёлся далеко за пределы той же Франции.

Мы подготовим экипаж так, чтобы он выдержал дорогу и пришёл к финишу раньше соперников. Первая премия дала бы нашему ещё строящемуся производству известность, на которую при обычной торговле ушли бы годы.

Вслед за Парижем я наметила Всероссийскую выставку в Нижнем Новгороде. Она должна была состояться в девяносто шестом году, и туда следовало ехать уже с машинами, которые можно предлагать покупателям. Я хотела получить высшую награду для нашего производства, привлечь крупных заказчиков и вернуться с договорами, под которые можно будет расширять мастерские.

Но мечтать не вредно, как говорится, вредно не мечтать. В мыслях всё получалось быстрее, чем на деле.

Глава 2

Санкт-Петербург
11 декабря 1894 года

- Петя, твоя! - позвала я, вытаскивая из ящика толстую книгу с заложенными между страницами листочками.

Из соседнего кабинета появился муж.

- Уже третья? - он принял у меня том и заглянул в ящик. - У меня вчера нашёлся твой альбом с эскизами мебели.

- Клади сюда, - я указала на нижнее отделение нового шкафа. - Только плашмя, там ещё цветы между страницами.

Пётр вскинул брови:

- Засушенные?

- А какие же ещё могут быть в закрытом альбоме? - рассмеялась я.

- Сашенька, милая, ты полна сюрпризов!

Он унёс книгу, а я опустилась на скамеечку перед ящиком и продолжила разбирать привезённое с Литейного.

Из Риги мы вернулись неделю назад. Пока отсутствовали, мастера закончили последние работы в нашем доме и доставили мебель. Оставалось перевезти вещи, что мы и сделали, во время чего выяснилось, сколько мелких и не очень хлопот приносит переезд.

На Литейном я без раздумий могла найти что угодно, от нужной книги до кружевных перчаток. Здесь же на поиски ножниц вчера ушло столько времени, что я в конце концов попросила Варю принести из кухни. А через пару часов нашла свои в шкатулке с пачками чистой бумаги. Сама их туда положила, между прочим. И благополучно забыла в суете.

Ангара лежала неподалёку на своём коврике и наблюдала за мной. Стоило мне подняться, она тоже вставала, думая, что хозяйка снова куда-то уедет и оставит её.

- Ара, в следующую поездку я обещаю взять тебя с собой, - когда она вскочила в третий раз, сказала я, чтобы успокоить любимицу. Собака вздохнула совсем по-человечески, и, вернувшись на место, положила морду на лапы.

Книжные шкафы уже закрепили у стены. Внизу разместили отделения для больших альбомов, выше оставили обычные полки. Через стеклянные дверцы было видно содержимое, осталось лишь решить, что куда поставить.

В мыслях я всё продумала, на деле же результат мне не понравился, и я начала переставлять всё в другом порядке.

- Сашенька, ты что, опять перекладываешь книги? - донёсся голос Петра из соседней комнаты.

- Угу, - отозвалась я, задумчиво потерев подбородок. Надо бы на одну из полок поставить горшочек с цветком, чтобы оживить композицию. Или даже два.

Муж появился в дверях с моим альбомом в руках.

- Мне кажется, что и так всё очень красиво, - сказал он, подходя ко мне, чтобы отдать альбом.

- А ты свои коробки уже закончил разбирать? - вместо ответа, спросила я.

- Нет, - признался он и улыбнулся. - Но у меня их осталось меньше, чем у тебя.

- Потому что часть твоих вещей почему-то оказалась в коробках, подписанных моим именем, - хмыкнула я, а Петя, весело мне подмигнув, обнял и прижал к себе, зарылся носом в волосы.

Мы стояли так, замерев, и не было хаоса переезда вокруг, были только он и я. Муж нежно коснулся губами моего виска, и я, положив ладони ему на плечи, потянулась навстречу поце-

лую. За последние дни мы столько времени работали, да ещё эти хлопоты с переездом, что побыть вдвоём удавалось главным образом вечером, когда оба уже валились с ног.

Сегодня можно было никуда не торопиться.

Я прижалась к Пете теснее, однако Ангара сочла, что я занимаюсь чем-то не тем и поднялась, чтобы напомнить о себе. Ткнулась носом мне в бедро, а когда я не отреагировала, смогла протиснуться между нами и недовольно заворчала.

Пётр отстранился и посмотрел вниз.

- Ревнуешь? Ревность - плохое чувство, оно разъедает изнутри и мешает жить, - назидательно заметил он и получил такой многозначительный взгляд от Ангары, что я невольно рассмеялась и почесала собаку за ухом.

В дверях показалась Мотя.

- Сашенька, Михаил Константинович прислал Ваньку сказать, что к обеду будет с Прокофием Игнатьевичем.

Я сразу оживилась. Тиунов недавно вернулся из Иркутска, к сожалению, его матушка не перенесла потери супруга и тихо скончалась во сне, но увидеться с ним я ещё не успела.

- Хорошо, Мотя. Поставь ещё один прибор.

- Поставлю, - кивнула няня. - И вы уж заканчивайте с книгами. Я сама давно бы всё разобрала, а не даёшь ведь.

- Тут я должна всё разложить сама, - качая головой, улыбнулась я.

- Потому и не сильно настаивала, тебе тут работать. Но всё равно, отложи пока свои коробки, сходи переоденься, вона, платье уже запачкала. Перекуси заодно, и пусть до обеда осталось немного времени, тебе всё равно надо чаще есть, - проворчала Мотя и вышла, из коридора тут же донёсся её голос, обращённый к Насте.

Пётр проводил её взглядом, потом наклонился к моему уху.

- Мне тоже переодеться?

Я оглядела его жилет и рубашку.

- Да, надо всё снять…

***

Прасковья переехала с нами, а дяде Михаилу мы наняли новую кухарку. Так решил сам Оболенский, сказав, что нам она нужнее. Когда я заглянула на кухню, Прасковья как раз давала указания помощнице и пробовала начинку для пирога.

- Сашенька, отойди, горячее понесут, - предупредила она, увидев меня у двери.

Я послушно посторонилась.

- У тебя всё хорошо?

- Хорошо, голубушка. Кухня просторная, места хватает. Только полку над столом повыше бы перевесить, а то каждый раз головой берегусь.

- Передам мастеру. Покажешь сама, как тебе удобно, так и сделает.

Она одобрительно кивнула и подошла к кастрюле, в которой что-то аппетитно булькало.

В столовой Настя раскладывала наш новый стол. Я остановилась рядом и придержала поднятую вставку, пока она разворачивала её на петлях.

- Вот теперь опускай, - подсказала я.

Девушка послушно кивнула.

- Удобно-то как, Александра Николаевна, и доска удлиняющая прямо в столе, не надо бегать искать, куда с прошлого раза убрали.

Мы ещё раз сдвинули части, проверяя, плотно ли они сошлись, и уступили место Моте. Она расстелила скатерть, оглядела результат и пошла с Настей за дополнительными стульями.

В гостиной оставалось поправить занавесь, которую накануне повесили неровно. Я уже потянулась к ней, но Пётр остановил меня.

- Я сам, - он подвинул стул и поднялся на него.

Я придержала спинку и кинула взгляд в окно. Сад утопал в свежем снегу. На тёмных ветвях лежали пушистые белые шапки, а сугробы у ограды отливали призрачной лёгкой синевой. Низкое солнце ярко сияло, и иней в его свете поблёскивал бриллиантовыми всполохами. За деревьями розовела стена соседнего флигеля. Вдоль дорожки тянулись следы дворника, у крыльца осталась прислонённая к перилам лопата.

Муж спустился и отодвинул стул к стене.

- Теперь как?

Я отошла подальше, оценила результат и кивнула.

- Хорошо.

- Занавесь точно больше не трогаем? - уточнил он, обнимая меня за талию.

- Да, - весело хмыкнула я.

Дядя явился раньше родителей Петра. Я услышала его голос из передней и вышла навстречу. Ангара обогнала меня, добралась до Михаила Константиновича первой и принялась обнюхивать его перчатки.

- Как ты тут, разбойница? - дядя ласково потрепал её по голове. - Всего несколько дней тебя не видел, а уже выросла-то как!

За его плечом я увидела Прокофия Игнатьевича. Высокий, с аккуратно подстриженной седой бородой, он держал в руках шапку и терпеливо ждал, пока дядя нас всех поприветствует. Увидев, что я на него смотрю, поклонился.

- Александра Николаевна, с новым домом вас.

Я протянула ему руку.

- Спасибо, Прокофий Игнатьевич. Примите мои искренние соболезнования. Царствие Небесное вашим батюшке и матушке.

Тиунов склонил голову, а я сжала его руку покрепче.

- Благодарю вас за участие, Александра Николаевна, - тихо ответил он.

Я отпустила его ладонь и посторонилась.

- Проходите, пожалуйста, в гостиную, там натоплено и светло.

Михаил вручил мне жестяную банку с чаем со словами:

- Это вам. Свежий привезли, попробуешь.

- Спасибо, дядюшка.

Я приподняла крышку, вдохнула дивный аромат и тут же передала банку Моте.

- Заварите после обеда.

Пока дядя осматривал гостиную, я задержалась возле Тиунова.

- Как нога? Обувь по-прежнему удобна?

- Удобна, - он коротко кивнул. - Привык уже. Только если долго на холоде стоять, напоминает о себе.

- Тогда садитесь ближе к камину. Сейчас принесут чай.

- Не беспокойтесь, Александра Николаевна. Я нынче и пешком хожу, и верхом могу.

В голосе его послышалась знакомая деловитость. Я улыбнулась и всё же проводила к очагу. Дядя успел осмотреть столовую, заглянуть в малую гостиную, библиотеку и вернуться.

- Хорошо ремонт сделали, стало как будто просторнее с этими светлыми обоями, - одобрил он.

- Ты обещал часто бывать, - улыбнулась я.

- Обязательно, вон, вы вещи разобрать не успели, а я уже тут.

Я снова его обняла. Михаил Константинович погладил меня по спине и отступил, разглядывая.

- Не утомилась ещё хозяйничать?

- Так я и не хозяйничаю, всё как и прежде, в руках Матрёны Ильиничны, - рассмеялась я. - На мне только кабинет.

Тут хлопнула входная дверь и из передней донеслись новые голоса. Анна Васильевна приехала вместе с Ильёй Петровичем. И мы с Петром поспешили встречать гостей.

Свекровь принесла коробку, перевязанную атласной лентой.

- Это вам к новоселью, - она передала её мне и улыбнулась. - Надеюсь, пригодится.

Внутри оказался фарфоровый сервиз с тонкой синей каймой. Я вынула чашку и восхитилась изяществом работы.

- Как красиво! Спасибо, Анна Васильевна. Непременно пригодится!

- Пётр говорил, что вы ещё не всё приобрели для дома, - пояснила свекровь.

- Большую часть купили, но да, ещё не всё, - кивнул муж, заглянув мне через плечо в коробку с посудой.

Я осторожно вернула чашку на место и пригласила всех в столовую.

Мне было приятно смотреть, как они располагаются в нашем доме. Я улыбалась, чувствуя себя частью большой семьи, и надеялась, что такие обеды станут у нас привычными. Хотелось почаще собирать близких за одним столом и слушать их разговоры.

Сначала обсудили поездку в Ригу. Пётр рассказал о первом выезде «Победы», а я время от времени вмешивалась, добавляя детали.

- Я вовсе не собиралась бежать за машиной, - возмутилась я, когда муж упомянул момент с первым пробным заездом. Гости рассмеялись, глядя на меня.

- Ты шагнула следом, - напомнил Петя.

- Я всего лишь сделала один маленький шажочек, - притворно пропыхтела я.

- Хорошо, один, - согласился он, но улыбка стала только шире, и я не выдержала, засмеялась вместе со всеми.

Михаил Константинович покачал головой.

- Увидеть бы самому. Столько месяцев про этот мотор слушаю, а как оно всё вместе поедет, так и не поглядел.

- Весной покажем, - пообещала я. - Когда закончим кузов и проведём испытания.

Прокофий Игнатьевич слушал внимательно, иногда задавая короткие вопросы. Его больше всего заинтересовало, как машина возьмёт подъём и сколько сможет увезти груза.

- Для торговли пригодится, - заключил он, выслушав объяснения. - Если служить будет исправно.

Я кивнула. Деловые люди, кажется, любую новинку оценивали с точки зрения возможной пользы для бизнеса.

Принесли жаркое, и на некоторое время разговор притих, был слышен лишь стук приборов о тарелки. Потом Илья Петрович заговорил о доме, спросил, как устроились кабинеты. Я рассказала о наших новых книжных шкафах и пообещала показать всё сразу после обеда.

***

Гости засобирались после девяти вечера. Первыми уехали родители Петра. Пока он провожал их к экипажу, я попросила дядю и Прокофия Игнатьевича задержаться. Михаил сразу понял, о чём пойдёт речь, и, кивнув Прокофию, чтобы следовал за ним, прошёл в мой кабинет.

Пётр вскоре присоединился к нам и принёс из соседней комнаты ещё один стул. Я попросила мужчин садиться, достала карту и развернула её на столе.

- Прокофий Игнатьевич, я хочу предложить вам работу, - начала я, решив не ходить вокруг да около. - Дядюшка уже в курсе моего замысла, осталось обсудить его с вами.

Тиунов устроился удобнее и сложил руки на коленях.

- Слушаю, Александра Николаевна.

- Работа за границей. Надолго. Мне понадобится управляющий торговым делом на Аляске.

Мужчина удивлённо приподнял брови и наклонился к карте.

- Далеко же вы забрались.

- Да, - я показала побережье. - Начать хотим с Ситки. Откроем небольшую контору и склад, будем торговать припасами, а затем, если всё пойдёт так, как мы рассчитываем, будем расширяться.

Весной мы долго обсуждали, где следует искать участки и какие сведения запрашивать у американского посредника. За это время мои дела успели разрастись, я вышла замуж, а заморское предприятие так и осталось на уровне переписки, а времени больше, увы, не становилось, поэтому следовало ускориться.

- Чем торговать собираетесь? - спросил Прокофий Игнатьевич.

- Продовольствием, инструментом, одеждой. Люди едут на Север, ищут золото, устраивают промыслы. Им нужны припасы, а доставка стоит дорого. Мы можем закупать часть товара через дядюшкины связи, остальное брать в Сан-Франциско.

- Прежде выяснить бы, что на месте лучше расходится, - заметил Прокофий. - Привезти можно всякого, да потом годами держать на складе.

Я одобрительно кивнула.

- Именно поэтому туда должен поехать человек, который умеет торговать. До больших закупок потребуется осмотреться, узнать цены и поговорить с местными.

- А место под склад уже куплено? - Тиунов снова посмотрел на карту.

- Пока нет, - ответил дядя Михаил. - Сначала проверим те варианты, что мне прислал Коул. Конторы американские понадобятся, поверенные. Саша торопиться с купчими не велит.

- Я хочу понимать, что именно нам продают, - пояснила я. - Где берег, как подвозить товар, кому принадлежит участок и какие на нём обязательства.

Прокофий Игнатьевич слушал, уже не скрывая интереса.

- Людей туда могу взять своих или придётся искать среди местных?

- Думаю, часть наймём здесь, чтобы при этом свободно говорили по-английски, хотя бы парочка. Остальных помощников подберёте уже там.

- Я по-английски не умею, - предупредил он.

- Значит, начнёте учить завтра же, - улыбнулась я. - До отъезда ещё есть время.

Тиунов помолчал, гипнотизируя стену у меня над плечом. Я не торопила. Для меня Аляска была возможностью опередить золотую лихорадку и создать торговлю там, где вскоре возникнет огромный спрос. Для него речь шла о незнакомой стране, чужом языке и годах, которые он проведёт вдали от привычной жизни.

- А кому отвечать за дело? - наконец спросил он.

- Нам с Михаилом Константиновичем, - отозвалась я. - Но большинство решений придётся принимать вам. Ждать нашего письма по каждому вопросу невозможно.

- Полномочия распишем подробно, - заговорил Пётр. - Какие договоры можете заключать самостоятельно, какие расходы утверждать, когда требовать дополнительного согласования. Вы должны понимать пределы ответственности, чтобы быть спокойным.

Прокофий Игнатьевич одобрительно хмыкнул:

- Это правильно.

- Дорогу оплатим. Жильё первое время будете снимать, на то мы выделим отдельные деньги. Жалованье предлагаю втрое против нынешнего, кроме того, долю от прибыли.

- Щедро, - изумлённо округлил глаза Тиунов.

- Обязанностей будет много и ехать придётся на несколько лет, - повторила я, - подумайте обо всём хорошенько, Прокофий Игнатьевич. Я не тороплю.

Михаил Константинович потянул себя за бороду.

- Я бы его и здесь без дела не оставил, - проворчал он.

- Знаю, дядюшка, - понимающе кивнула я, едва сдержав улыбку.

- Но ты думай, дружище, предложение такое раз в жизни делают, - сказал дядя, повернувшись к Тиунову.

Прокофий Игнатьевич ответил ему короткой улыбкой и вновь повернулся ко мне.

- Несколько лет - это сколько?

- Рассчитывать следует по меньшей мере лет на пять, - ответила я. - И ещё об одном скажу сразу. Если вдруг пожелаете поселиться в Америке навсегда и принять её гражданство, я предложу вам часть акций, и вы войдёте в дело моим компаньоном.

Он перестал улыбаться. В кабинете стало тихо. Михаил Константинович ещё раз дёрнул себя за бороду.

- Стало быть, из русского подданства выйти? - уточнил Прокофий Игнатьевич.

- При получении гражданства придётся присягнуть Соединённым Штатам и отказаться от прежней верности, - объяснил Пётр. - Все последствия мы разберём с вами отдельно.

- Поэтому я и не прошу отвечать сегодня, - добавила я. - Условия нужно прочесть, обсудить с близкими и решить, подходит ли вам такая жизнь.

- У меня никого не осталось, Александра Николаевна, - грустно улыбнулся Прокофий.

- У вас есть мы, - я посмотрела в его тёмные глаза. - Вы часть нашей семьи и доверить столь важное дело, если быть с вами до конца честной, нам больше некому.

- Спасибо, - только и смог проговорить он.

А я, видя его смущение, пододвинула карту и показала ему Ситку, потом побережье Кеная и бухту Линн. Он задал ещё несколько вопросов о торговле и сроках. Я ответила на то, что уже знала.

Наконец Тиунов откинулся на спинку стула.

- Бумаги мне дадите?

- Пётр подготовит изложение условий. И копии того, что получили из Америки, тоже передадим.

- Я почитаю, обдумаю всё, вон, с Михаилом Константиновичем обсудим. И дам ответ.

- Договорились, - кивнула я, встала и мы пожали друг другу руки.

Дядюшка тоже поднялся.

- На сегодня довольно, Сашенька. Нам ещё домой идти.

Я посмотрела на часы.

- И правда, засиделись.

Мы спустились в переднюю. Мотя принесла гостям верхнюю одежду и вручила дяде свёрток.

- Прасковья велела пирога вам передать.

- Вот за это благодарствую, - Михаил принял свёрток и обернулся ко мне. - Завтра загляну, по чайной есть вопрос.

- Приходите к ужину, полагаю, раньше вы меня дома не застанете, - предупредила я.

Дядя кивнул, обнял меня на прощание и вышел вслед за Прокофием Игнатьевичем.

Глава 3

- А если дешевле предложит завод, которому мы не доверяем? - спросила Степанида Кузьминична. - Кто решать будет?

Пётр оторвался от письма городской управы.

- Город. Но прежде должен получить техническое заключение.

- Наше?

- В том числе наше, - ответила я и придвинула к себе приложенный к письму перечень вопросов. - Сегодня как раз обсудим, какие полномочия останутся за бюро, если нам поручат руководить работами.

Мы собрались в моём кабинете в бюро на Тринадцатой вскоре после завтрака. Глеб Андреевич принёс ведомости, над которыми работал последние дни, а Веретенников разложил на свободной половине стола чертёж арочного пролёта. Пётр приехал вместе со мной, поскольку предстоящий разговор касался условий будущего договора.

Победа в конкурсе принесла нам известность и немало поздравлений, однако теперь следовало разобраться, как воплотить нарисованное в металле и камне так, чтобы мост простоял сотни лет.

- Для предварительных запросов сведений хватит, - заговорил Тарасов, когда я спросила, насколько подробно мы можем описать будущий заказ. - Но окончательный вес конструкций определим после разработки узлов. Сейчас заводам следует дать общую схему и ведомость предполагаемых объёмов.

- И всем одинаковые условия, - добавила я. - Сразу запросим полную стоимость заказа, с доставкой и сборкой. Пусть распишут, сколько берут за каждую работу.

Степанида, вооружившись карандашом, начала быстро записывать.

- Особенно важна цена за доставку, - поддержал Веретенников. - Нужно выяснить, как завод собирается доставлять конструкции и какие приспособления понадобятся для разгрузки у моста.

Он отложил чертёж пролёта и развернул план набережной.

- Здесь можно устроить площадку для разгрузки и хранения конструкций, - и указал свободный участок.

Я поднялась, подошла ближе и проследила по плану дорогу к намеченной площадке.

- Подъезд удобный, но участок ещё нужно согласовать с городом, - заметила я. - Павел Гордеевич, подготовьте схему размещения конструкций. Посмотрим, сколько места понадобится для хранения и работы подъёмных приспособлений.

- Сделаю, - Веретенников пометил границы площадки карандашом. - Только все конструкции сразу сюда не привезёшь. Поставки придётся распределить по ходу сборки.

Тарасов пододвинул к себе план.

- Значит, завод должен отгружать части в согласованной последовательности. Иначе получим то, что потребуется через месяц, а первые детали для начала работы придётся ждать. И будем куковать.

- Это тоже внесём в требования, - согласилась я. - Когда подготовим порядок сборки, по нему и составим график поставок.

- А собирать пролёты на месте будут люди завода? - уточнил Пётр. - Или для этого понадобится другой подрядчик?

- Пусть заводы сообщат, готовы ли взяться и за эту работу, - ответила я. - Стоимость изготовления и доставки укажут отдельно от сборки на стройке. Тогда сможем рассмотреть оба варианта.

Глеб Андреевич сделал пометку в ведомости.

- И проверочную сборку перед отправкой нужно включить в условия изготовления. На заводе проверят, как соединяются готовые части.

- И там же устранят ошибки, если обнаружатся, - добавил Веретенников. - Подгонять соединения над рекой будет куда труднее.

Я вернулась на своё место и раскрыла записную книжку.

- Значит, в предварительном запросе перечислим наши требования, а подробный порядок проверки подготовим вместе с рабочими чертежами.

Тарасов забрал ведомость, чтобы внести дополнения. Степанида пробежала глазами свои записи и подняла голову.

- Кто поедет осматривать заводы?

- Когда получим ответы и определимся, какие предложения нам подходят, поедем мы с Александрой Николаевной, - ответил Глеб Андреевич. - Павлу Гордеевичу тоже стоит присоединиться. Ему нужно увидеть, как у них поставлена сборка.

- Поеду, - согласился Веретенников.

Пётр взглянул на часы.

- Нам скоро выезжать. В управе сегодня надо прежде всего определить, что именно город намерен поручить бюро и на каких условиях.

Я тоскливо вздохнула и потянулась за накидкой.

Техническими задачами я занималась с удовольствием, а предстоящий разговор об условиях договора, мягко говоря, не радовал. От одной мысли, что придётся в этом копаться, становилось скучно.

Над проектом бюро продолжало работать за свой счёт, между тем для подготовки рабочих чертежей требовались дополнительные люди. Нанимать их, не зная, когда город начнёт оплачивать нашу работу, мне не хотелось.

- Расчёт расходов я приготовила, - Степанида протянула мне несколько листов. - Только сроки оплаты тоже согласуйте, пожалуйста. Жалованье людям нам каждый месяц выдавать.

- Обязательно обсудим, - пообещал Пётр.

А я убрала документы в папку и улыбнулась Кузьминичне:

- Спасибо. Как вернёмся, расскажу, о чём договорились.

***

В управе нас приняли в назначенный час.

Помимо городского головы, в кабинете находились представитель финансовой комиссии и инженер, которому предстояло разбирать наши предложения по дальнейшей разработке проекта. На столе лежала схема «Золотого Рога».

Ратьков-Рожнов предложил нам садиться.

- Александра Николаевна, начнём с того, какой объём работ ваше бюро готово принять на себя, - обратился он ко мне.

Я объяснила, что мы предлагаем завершить подробную разработку проекта, подготовить рабочие чертежи и технические условия, а после утверждения порядка постройки обеспечить руководство по своей части. Для постоянной работы на месте понадобится отдельная группа, поскольку люди в чертёжной не смогут одновременно проверять расчёты и следить за каждым поступившим грузом.

Глеб Андреевич дополнил меня по обследованиям и проверкам. Городской инженер, внимательно его слушавший, задал несколько вопросов об опорах, и Тарасов развернул принесённую схему.

Разговор стал предметным, чему я обрадовалась. Гораздо приятнее обсуждать сведения о грунтах, чем ругаться по каждому пункту будущего договора.

В целом беседа прошла неплохо, конечно, без споров не обошлось, особенно когда дело дошло до финансовой части.

Вышли мы из управы с проектом договора, то есть дело сдвинулось дальше общих обещаний.

На улице шёл снег. У тротуара дворник расчищал проход, и Тарасову пришлось посторониться, чтобы пропустить его.

- Ну что? Ты довольна? - спросил Пётр, пока Макар открывал дверцу экипажа.

- Работы прибавилось, - вздохнула я.

- Ты ожидала другого?

Я красноречиво хмыкнула в ответ. Муж засмеялся и помог мне забраться в карету.

У него были свои дела, поэтому до бюро мы с Глебом Андреевичем вернулись вдвоём. По дороге Тарасов достал записную книжку и принялся уточнять, кого из сотрудников можно будет привлечь к разработке отдельных частей.

И выходило всё так, что вскоре нам опять понадобится расширяться.

***

Аркадий Никитич Лосев, встречу с которым назначили после обеда, явился без опоздания. Он первым после нашей победы написал письмо с предложением, и оно нас заинтересовало.

Это был мужчина лет сорока с подстриженной бородой и внимательными глазами. Он представился инженером и одним из компаньонов торгового дома, после чего передал мне визитку.

Вскоре к нам присоединился Глеб Андреевич. Кузьминична принесла чай, но уходить не стала и устроилась за небольшим столом у стены.

- Позвольте прежде поздравить вас с победой, Александра Николаевна, - начал гость. - Я видел выставленные проекты. Ваш запомнился сразу.

- Благодарю, - кивнула я и сразу перешла к делу: - Вы предлагаете изготовление конструкций, верно?

Он принял мой деловой тон без обиды и ответил так же кратко:

- Изготовление, доставку и сборку. При соответствующем соглашении готовы взять весь этот объём.

- Какими предприятиями располагает торговый дом? - спросил Тарасов.

Лосев открыл папку и достал несколько листов. Вместо пространного рассказа о надёжности своей фирмы он предложил нам сведения о мастерских, оборудовании и выполненных заказах. К ним приложили фотографии, наклеенные на картон.

Я взяла один из снимков. На заводском дворе лежали собранные участки решётчатой конструкции. На обороте указали заказ, место изготовления и дату съёмки.

- Эту работу уже приняли? - уточнила я.

- Да. Здесь есть сведения о заказчике и инженере, наблюдавшем за изготовлением, - Лосев нашёл нужный лист. - При желании вы сможете обратиться к ним.

Тарасов тем временем изучал перечень станков.

- Прокат закупаете?

- Да, собственного металлургического производства у нас нет, но поставки организованы.

- Откуда?

Гость назвал предприятия и пояснил, какие виды проката они получали у каждого. Глеб Андреевич задал ещё несколько уточняющих вопросов, после чего попросил разрешения оставить сведения для изучения.

- Для того и привёз, - Аркадий Никитич передал ему весь список. - По мосту мы пока можем говорить только предварительно. Точной цены без подробных требований не назову.

Я с одобрением на него посмотрела: подобная сдержанность радовала.

- Требования ещё уточняются, - пояснила я. - В дальнейшем они должны быть одинаковыми для всех, кто пожелает предложить свои услуги. И договоры на постройку будет заключать город.

- Это мне известно, - ответил Лосев. - Но прежде чем обращаться с окончательным предложением, нам нужно понимать технические условия.

Он говорил по существу и не пытался выведать подробности, которыми я пока не собиралась делиться. Когда Тарасов упомянул контрольную сборку, гость спросил о предполагаемых размерах отправочных частей и сразу признал, что для ответа потребуется участие заводских инженеров.

- Мастерские можно осмотреть? - поинтересовалась я.

- Разумеется. Когда вам удобно?

Я посмотрела на Глеба Андреевича.

- В среду с утра, - предложил он.

- Договорились. Приглашу заведующего производством и подготовлю сведения по занятости мастерских.

Лосев записал адрес и протянул мне. Предприятие находилось на Шлиссельбургском тракте, поэтому поездка должна была занять значительную часть утра.

- Возможно, к нам присоединится городской инженер, - предупредила я.

- Буду рад принять всех, кого сочтёте нужным пригласить.

Пока Тарасов рассматривал следующую фотографию, гость достал ещё один конверт.

- Есть и финансовое предложение. Банкирский дом, с которым мы работаем, готов обсудить условия оплаты городского заказа.

Я не взяла письмо сразу, моё секундное колебание было замечено.

- Оригинал будет направлен в управу. Эта копия для вашего сведения, - Лосев положил конверт на стол. - Насколько я понимаю, необходимость сразу изыскать всю сумму может задержать постройку. Наши партнёры готовы рассмотреть выплаты по согласованным срокам.

Я развернула приложенный лист. Банкирский дом был готов обсудить кредит городу при условии, что изготовление основных конструкций поручат предприятию, предложенному торговым домом.

Осталось выяснить, под какой процент дадут кредит и на сколько лет растянут выплаты.

- Финансовые условия будут рассматривать без нашего участия, - задумчиво протянула я. - Техническое заключение бюро от них зависеть не должно.

- Иного мы не предполагаем, - склонил голову гость.

- Тогда порядок понятен. Мы изучим ваши сведения, осмотрим мастерские и после утверждения требований сможем продолжить разговор.

Лосев убрал оставшиеся бумаги в свой портфель. Прежде чем подняться, он уточнил, кому направлять дополнительные сведения, и я назвала Степаниду.

Уже у двери Лосев обернулся.

- Александра Николаевна, можно один вопрос?

- Да, конечно.

- Вы намерены лично бывать на постройке?

- Если приму руководство работами, иначе не получится.

- Мне бы хотелось поработать с вами. Наслышан о вашем таланте и полагаю, что мне есть чему у вас поучиться, - ответил он и поклонился.

После его ухода Тарасов многозначительно на меня посмотрел, но комментировать не стал, вернулся к перечню оборудования.

- Посмотреть стоит. Если всё соответствует написанному, возможности у них хорошие.

- Проверим, - согласилась я. - И сведения о прежних заказах непременно запросим.

Степанида подвинула ко мне финансовое предложение.

- А это Петру Ильичу?

- Да, пусть прочитает.

В носу свербело, уж больно у них всё гладко. Подозрительно. Или я просто на ровном месте себя накручиваю?

Я ещё раз просмотрела фотографии. Для предварительного знакомства Лосев подготовился основательно. Нам показали оборудование и выполненные работы, согласились принять на заводе, не потребовали немедленного ответа. Осталось выяснить, насколько представленные сведения соответствуют действительности.

- Глеб Андреевич, подготовьте вопросы к поездке. И надо договориться с управой, кто сможет поехать с нами.

Он встал, коротко поклонился, собрал бумаги и направился к двери.

- Металлическому заводу запрос тоже отправлять будем? - уточнила Кузьминична.

- Конечно. И всем остальным из нашего списка. Нам нужно сравнить предложения и проверить, какие заводы действительно смогут выполнить заказ.

***

Дядя уже ждал меня в гостиной.

Я ещё в передней услышала, как он разговаривает с Мотей, а следом по коридору понеслась Ангара. Собака затормозила передо мной, ткнулась носом в ладонь и принялась вертеться, мешая снять накидку.

- Ара, дай раздеться, - засмеялась я и погладила её по голове.

Она послушно села, преданно на меня глядя.

- Здравствуй, дядюшка!

Михаил Константинович поднялся мне навстречу и обнял.

- Здравствуй, труженица. Уже думал, зря тебя к ужину жду.

- Я же обещала.

- Но обещание, данное Ильиничне, не забывать обедать, не держишь, - прищурился он.

- Проекты интереснее, чем еда, каюсь, - рассмеялась я.

- Хорошо, что Матрёна Ильинична этого не слышит, - хохотнул в ответ дядя.

Пётр приехал вскоре после меня, и к столу мы сели втроём. Я рассказала о поездке в управу, муж добавил несколько слов об условиях договора. Михаил слушал внимательно и оживился, когда речь зашла о заводских предложениях.

- Дело большое. Охотников поучаствовать немало найдётся, - заметил он. - Смотри только, чтобы обещали по силам.

- Поэтому и поедем смотреть производство.

- Это верно, - одобрил дядя и потянулся за хлебом. - Ну а у меня дело поменьше.

Судя по кожаной папке, которую он принёс, вопрос всё же предполагался обстоятельный.

После ужина мы вернулись в гостиную. Михаил Константинович дождался, пока Настя расставит чашки, и разложил передо мной два плана.

- Вот. Хочу вторую лавку после праздников открыть. Присмотрел помещения, пока выбираю.

Я придвинула лампу. На одном плане вход располагался посредине фасада, а за торговым залом оставалась отдельная комната под запас. Во втором дверь была сбоку, зато сам зал выглядел просторнее, только из него пришлось бы выделять место для хранения товара.

- Размеры кто снимал?

- Семён Архипович. Хочу на твоей фабрике прилавок и шкафы для чайниц заказать. Как выберем помещение, пришли своего человека, пусть всё обмерит как следует.

- Не вопрос. Итак, что именно тебя смущает?

Михаил Константинович устроился удобнее.

- В первой лавке мы старый прилавок переставили, полки поправили, и обошлось. Здесь всё заново придётся делать. Только как одинаковое устроить, если помещения разные?

Я улыбнулась.

- Внешне мебель может быть одинаковой, а расстановка разной, - ответила я. - Помнишь шкафы у меня в кабинете?

- Ещё бы.

- Ты обратил внимание, как они составлены?

- Из отдельных шкафчиков, - ответил дядя.

- Вот. Для лавок тоже можно повторить отдельные части. Например, сделать одинаковые нижние тумбы, а длину прилавка подобрать по помещению. Дверцы и отделку сделаем общими.

Я взяла карандаш и на свободном месте набросала несколько прямоугольников.

Михаил Константинович наклонился ближе.

- А промежутки?

- Подгоним при установке. Сверху сделаем столешницу по месту, чтобы прилавок выглядел цельным. Только сначала нужно понять, что именно в нём будут хранить.

Дядя достал сложенный лист.

- Семён написал.

Я ознакомилась со списком: приказчику требовалось место для бумаги и пустых коробок, отдельное отделение под принадлежности для упаковки и удобная поверхность возле весов. В первой лавке с этим устроились не лучшим образом.

- Весы нельзя ставить там, где постоянно двигают крышки или хлопают ящиками, - заметила я. - Для них выделим устойчивое место. А бумагу уберём в закрытое отделение под рукой.

- Вот это он и просил, - Михаил Константинович ткнул в нужную строчку. - И ещё, скажика, Сашенька, во сколько мне обойдётся этот заказ?

- Сначала снимем точные размеры и согласуем устройство. Потом будет смета.

- Значит, даже примерно не скажешь? - дядя откинулся на спинку кресла.

Я задумчиво посмотрела на набросок.

- Полторы тысячи рублей.

Михаил Константинович выпрямился.

- Сколько?! - поперхнулся он воздухом.

- Полторы тысячи, - повторила я, стараясь сохранить серьёзное лицо. - Это уже со скидкой.

Дядя поставил чашку на блюдце, фарфор нервно звякнул.

- Сашенька, мы ведь прилавок и шкафы заказываем? Ты мне туда ничего лишнего не посчитала?

- Весь комплект для торгового зала. По твоим размерам и пожеланиям Семёна Архиповича.

- И со скидкой, говоришь? - он недоверчиво покосился на меня. - А без скидки сколько?

- Тысяча восемьсот.

- Вот спасибо! - Михаил Константинович развёл руками. - Триста рублей племянница сберегла. Прямо не знаю, как благодарить.

Я прикусила губу, чтобы не улыбнуться, и склонилась над рисунком. Пётр глядел на меня с не меньшим изумлением. Муж открыл было рот, чтобы поддержать дядю, но я незаметно толкнула его под столом. Он кашлянул и потянулся за печеньем.

- Мы же договорились без лишних украшений, - продолжал дядя, пыхтя от возмущения, пар из ушей разве что не пошёл, - чтоб удобно было, добротно. Чего там на полторы тысячи?

- Хорошее дерево, работа мастеров. Установка тоже входит и новая конструкция, считай, эксклюзив.

Михаил Константинович покряхтел, взял набросок, повздыхал, печально на меня поглядывая. Я ждала, изо всех сил сдерживая смех.

- Пусть фабрика у тебя и лучшая в городе, а всё одно дорого, - пробормотал он, ещё раз вздохнул и положил рисунок передо мной. - Ладно. Делай. Только чтоб потом к этим полутора тысячам ещё полтысячи не прибавилось.

- Не прибавится, - заверила я.

- И смету мне покажешь.

- Обязательно, - и взяла чашку, чтобы спрятать улыбку.

У дяди Михаила скоро день рождения. Прилавок и часть шкафов я собиралась подарить ему, но говорить об этом заранее не хотела. Названную сумму я, конечно, завысила. Хотелось подразнить дядюшку, который совсем недавно сам учил меня торговаться и не соглашаться с первой предложенной ценой. А он взял и согласился!

- Что ты там улыбаешься? - подозрительно пробухтел Михаил Константинович.

- Радуюсь новому заказу. И столь щедрому покупателю.

Дядя погрозил мне пальцем:

- Верёвки из меня вьёшь, плутовка! А я и возразить не могу.

Глава 4

Васька вихрем влетел в кабинет, оставив Мотю далеко позади.

- Александра Николаевна, гляньте, что получилось!

Он прижимал к груди плоский свёрток. Ангара, обнюхав его карманы и не найдя ничего съестного, разочарованно фыркнула и вернулась на коврик.

- Наследил-то как! - донеслось из коридора.

Вася оглянулся на мокрые следы и виновато шмыгнул носом.

- Мотя, принеси ему чаю, пожалуйста. И пирогов, если остались.

- Остались, - проворчала няня, но уже мягче.

Мальчишка разложил карточки. На верхней была я: стояла у ворот бюро с неизменной папкой под мышкой и что-то выговаривала Макару. Ангара сидела рядом.

- И за что же я его отчитывала? - улыбнулась я.

- За то, что вместо управы повёз вас в ресторацию на обед.

- А когда успел снять-то?

- Ага! Не помните, потому что вы меня тогда и не приметили, - горделиво выпятил грудь мальчишка, сильно вытянувшийся за последнее время. - Павел Карлович говорит, живые лица дороже поставленных, ежели вовремя поймать.

- Постановочных, - поправила я.

- Их самых, - легко согласился Вася.

На снимке Макар едва заметно улыбался, я хмурилась, а собака, свесив язык, смотрела на меня полными любви глазами.

- Молодец, Василий. Хорошо получилось!

Мальчонка просиял и придвинул остальные карточки: пожилая женщина, двое ребятишек, молодая пара у ограды Летнего сада. Мужчина глядел в объектив серьёзно, зато его спутница смеялась, слегка отвернув голову.

- А тут барышня не туда посмотрела, - заметила я.

- Нарочно оставили! Она сперва другую карточку выбрала, где ровно сидит и не улыбается. А супруг увидал эту и ещё две заказал таких же. Говорит, жена дома завсегда такая, а как придут в заведение фотографическое, так её будто подменили.

- И много теперь заказчиков?

- В воскресенье десять человек было, - приосанился Васька. - Уже в ателье работать дозволяют. Свет Павел Карлович выставляет, а проявляю и печатаю я сам, он после проверяет мою работу.

Я не могла перестать улыбаться. Когда-то Вася с тем же азартом рассказывал о слежке. Теперь рассуждал о фотографии. Мотя принесла чай. Васька поблагодарил и немедленно взялся за пирог с капустой.

- Что на Миллионной? - спросила я, когда он прожевал и проглотил первый кусок.

Мальчонка вытер пальцы о штаны, поймал укоризненный взгляд няни и поспешно потянулся за салфеткой.

- Француз редко выходит. А вот к нему один господин дважды за эту неделю приезжал.

Вася выбрал из стопки снимок. Вернье спускался с крыльца вместе с Виктором Ивановичем Хомутовым. Лицо получилось чётким, ошибиться я не могла.

- Позавчера снял. За их каретой Сенька проследил, а после Степану Герасимовичу всё доложил.

- Хорошо. А вечером?

- Вечером не снимешь, одна чернота. Павел Карлович плёнку тратить не велит. Так я кучеров примечаю. Кто свой, а кто извозчик. У извозчиков бляхи с номерами, цифры записываю.

- И много записал?

- За неделю семь. Только два номера повторились. Ещё кучер один рыжий, с серьгой в ухе, три раза приезжал.

- Степан Герасимович в курсе?

- Пока нет, к вам первым пришёл.

- Тогда после чая поезжай в бюро, расскажешь ему всё и записи свои покажешь.

По номеру можно разыскать извозчика, а тот, возможно, вспомнит, где взял седока. Руднев сумеет его разговорить.

- Только сам за ними не бегай, - предупредила я. - Это может быть опасно.

- Аха, фсё я панифаю, не мафенький уфе, - пробубнил мальчишка с набитым ртом. Мотя погрозила ему пальцем, он быстро проглотил и сделал большой глоток сладкого чая. - Александра Николаевна, не буду я за ними бегать. Мне у набережной работать надо, день короткий, едва-едва всё успеваю.

- Чужие к тебе не присматривались?

- Один лакей подходил, спрашивал, чего я тут верчусь.

- И что ты?

- Предложил сняться. За полцены, - хитро прищурился мальчонка. - Он сперва сердился, а потом воротник поправил. В итоге карточку свою забрал, да доволен остался.

Я весело хмыкнула, но тут же посерьёзнела:

- Если почувствуешь, что тобой заинтересовались, сразу уходи. Договорились?

- Агась, - кивнул он и потянулся за ещё одним пирожком.

Я смотрела, как он жадно ест и подумала, что подходящего момента лучше и не придумаешь.

- Помнишь, что я обещала про «Кодак»?

- Подарить? - мальчонка забыл про угощение, глаза засияли ярче звёзд.

- Ты справился, Василий. Аппарат твой.

- Насовсем? - прошептал он.

- Насовсем.

Он тут же подскочил, едва не уронив пирожок, и поклонился, совсем как взрослый.

- Благодарствую, Александра Николаевна. Я буду его беречь!

Мотя тихо вздохнула, украдкой смахнув слезу, я тоже почувствовала, как защипало в носу и, подойдя к Васе, потрепала его по волосам:

- Я знаю.

***

Роман приехал с липовой провизией и Макар проводил его ко мне.

Посетитель поклонился и остался стоять, держа шапку перед собой обеими руками. Еникеев устроился у двери.

- Садитесь, - предложила я.

- Благодарствую, постою. Я ненадолго, Александра Николаевна.

- Слушаю.

- Вернье и его инженеры собрали машину по чертежу, что я передал, исправления внесли. Всё вышло, как рассчитывали.

- Подробности вам известны? - уточнила я.

- Господин Вернье хвастался, что два часа кряду под нагрузкой держали. Мотор не остановился, силу давал ровно.

Два часа.

- Не дольше?

- Два часа, потом сами заглушили. Обрадовался страшно, Делорму велел коньяку принести, меня тоже угостил.

Надо же, как им повезло! Или мне?

Я вспомнила объяснения Костовича. Наружная стенка прогревается медленнее испарительной камеры, заслонка запаздывает. Огнеслав Степанович собрал этот вариант и проверил лично. Сначала двигатель работал на загляденье. Зато при продолжительной нагрузке начинал дымить и терять мощность.

Французы просто не дотерпели. Совсем чуть-чуть! Продолжи Морель испытание, результат получился бы другим.

С французским патентом всё застопорилось. Пакет приняли, дату подачи засвидетельствовали, пошлину получили, а сам документ до сих пор не выдали. Парижский поверенный уже дважды обращался за разъяснениями, но пока добился лишь заверений, что дело рассматривается.

Пётр сердился и требовал выяснить причину задержки. Я тоже начала беспокоиться: уж больно долго французы возились с бумагами, которые сами же признали составленными как положено. Зато теперь эта волокита неожиданно оказалась нам на руку.

Поверенный отдельно подтвердил: описание двигателя и приложенные чертежи для общего ознакомления ещё не открыты. Значит, прийти и получить копию настоящего испарителя Морель пока не мог. В Лондоне мы ограничились предварительным описанием, поэтому и оттуда неприятного сюрприза ждать не приходилось.

Выходит, Вернье всё ещё считал добытый через Романа чертёж своей самой большой удачей.

Что же, пусть пока радуется. А с поверенным всё равно надо связаться ещё раз, пусть сходит в бюро промышленной собственности и задаст вопросы.

- Что ещё говорил Вернье?

- Спрашивал про автомобиль. Когда выедет, кто колёса делает. Велел разузнать, не думает ли Огнеслав Степанович ещё что-нибудь в двигателе переделать.

- Что ответили?

- Что внутрь мастерской меня не пускают. Провизию сдал, накладную подписал и уехал.

- Новых сведений без согласования не передавайте, - напомнила я, а то мало ли. - Спросит что-то ещё, сперва доложите Степану Герасимовичу.

- Понял. - Он помялся и добавил: - Ещё двадцать пять рублей дал. За хорошие уши, сказал.

Макар едва слышно хмыкнул.

- Деньги оставьте себе, - разрешила я. - Только в отчёте Рудневу эту награду укажите.

Роман уходить не спешил. Шапка в его руках медленно крутилась то вправо, то влево. Он открыл рот, посмотрел на Макара и снова смолк. Я догадалась, о ком он хотел спросить: о Надежде Павловне, но помогать ему не стала.

- Это всё? - спросила я бесстрастно.

- Всё, Александра Николаевна.

- Тогда можете идти.

Макар открыл перед ним дверь и вышел следом.

Я вернулась мыслями к французскому двигателю и невольно улыбнулась. Вернье уже отмечает победу. Уверен, что добрался до всех наших секретов, и наверняка успел похвалиться перед начальством.

Ох, как бы мне хотелось увидеть его лицо, когда мотор всё-таки выкинет обещанный Костовичем фокус!

Я написала Огнеславу Степановичу короткую записку:

«Ваш мотор выдержал обещанные два часа, а дальше по счастливой случайности они его не стали проверять. Французы страшно довольны».

Пусть Костович тоже порадуется, заслужил.

Запечатав конверт, позвонила и попросила Настю передать его Макару.

***

Интерлюдия

Николай Васильевич вошёл в операционную и остановился у порога. Четверо студентов-медиков стояли возле стены, держа в руках записную книжку и карандаши. Сквозь высокие окна лился вечерний свет.

- Включай! - распорядился Склифосовский.

Помощник повернул ручку выключателя, и над столом загорелся электрический венец. Шесть медных отражателей направляли свет на середину стола. Служитель проверил подвес и отошёл.

Николай Васильевич улыбнулся. При виде лампы ноги до сих пор непроизвольно дёргались в желании пуститься в пляс, до того он был счастлив, что она у него появилась!

Под отражателями сияли лампы накаливания, и свет от них падал ровно, не мерцая. Ни копоти, ни жара. Венец висел на блоке с противовесом, и одним движением руки его можно было опустить ниже или поднять, настроить, как говорила Александра Николаевна.

- Господа, прежде чем начнём, позвольте старику похвастаться, - обратился он к слушателям. - Эту лампу нам устроила инженер Громова-Оболенская. Каждый отражатель освещает одно место под своим углом.

Он подошёл к столу, повёл ладонью над белым полотном, будто фокусник. Присутствующие внимательно следили за каждым его движением.

- Вот. Видите?

- Николай Васильевич, - удивлённо откликнулся один из студентов, - так ведь тени нет. Как такое возможно?!

- Если знать физику, то многое становится возможным! - довольно усмехнулся Николай Васильевич. - Одну лампу я заслонил, зато остальные продолжают освещать то же место. Присмотритесь, тень есть, но свет с других сторон делает её настолько слабой, что работе она уже не мешает.

Склифосовский говорил, объяснял, отвечал на вопросы. И пока студенты рассматривали устройство, вдруг подумал, скольких раненых он мог бы спасти в Болгарии, будь у него тогда такая лампа.

Николай Васильевич посмотрел на стол: никелированный каркас, три белые эмалированные секции, подушки в клеёнчатых чехлах. Соединения закрыты гладкими накладками, грязи скапливаться просто негде.

- Вот тут ещё одно изобретение, - продолжил он и указал на рукоять. - Помощник вращает винт, вся верхняя рама наклоняется. Один конец поднимается, другой опускается. Ни санитаров звать, ни колодки под ножки подкладывать не требуется.

По его просьбе служитель повернул рукоять и остановился по знаку.

- Положение удерживает ещё и независимый стопор на зубчатой дуге. Спинка подвижная, нижняя секция снимается.

Николай Васильевич с удовольствием ещё раз проследил за ходом рамы.

- Вот стол так стол, господа! Работать - одно удовольствие, - снова не удержал он восторгов и велел вернуть раму в исходное положение.

Тут открылась дверь и санитары внесли больного. Конторщик Савелий Пахомов, двадцати шести лет, со вчерашнего вечера состояние ухудшилось, и откладывать вмешательство было нельзя.

Пахомов посмотрел на инструменты, затем на студентов и побледнел пуще прежнего.

Профессор подошёл к нему и в успокаивающем жесте положил ладонь ему на плечо.

- Не бойтесь, голубчик, всё приготовлено. Слушайте помощника и не пытайтесь сопротивляться.

Пахомов рвано кивнул и шумно сглотнул. Его переложили на стол. Николай Васильевич повернулся к слушателям.

- Я предполагаю воспаление червеобразного отростка слепой кишки. Мне предстоит его удалить. Окончательно о состоянии тканей сможем судить во время операции. Поэтому прошу наблюдать внимательно, а вопросы задавать после. Все свои действия я буду комментировать.

Он указал, где каждому встать, чтобы видеть стол и при этом оставить свободным проход к двери.

Дуняша замерла возле столика с идеально разложенными инструментами. Спокойная и собранная, она не делала ни одного лишнего движения. Илья устроился у изголовья, проверил приготовленное и вопросительно посмотрел на профессора.

- Начинай, - кивнул Николай Васильевич.

В комнате стало ещё тише.

Когда помощник сообщил, что пациент уснул и можно приступать, профессор занял своё место. Напротив него склонился ассистент. Прежде голова ассистента непременно закрыла бы свет, но не сегодня.

Николай Васильевич посмотрел на операционное поле, потом ещё раз на венец и выдохнул:

- Как же хорошо! Всё видно… - И протянул руку: - Скальпель.

***

Александра

Прокофий Игнатьевич приехал вместе с дядей, когда мы с Петром садились ужинать. Мотя велела поставить ещё два прибора и отправилась на кухню.

- По чайной опять вопрос? - спросила я, приглашая гостей за стол.

- Нет, нынче Прокофий к тебе с делом, - ответил Михаил Константинович, устраиваясь на стуле и разворачивая салфетку.

Тиунов посмотрел на меня и на выдохе выпалил:

- Я согласен, Александра Николаевна. Поеду.

Я на секунду замерла. Если честно, я думала, он откажется, не захочет участвовать в этой авантюре со многими неизвестными, ехать в другую страну, там, где у него никого нет, да ещё язык чужой.

- Точно решили?

- Решил. И внимательно прочёл все те документы. Пётр Ильич понятно написал, только вопросы всё же остались.

- Задавайте, - кивнул муж.

Настя внесла супницу, и пришлось ненадолго прерваться.

- Первым делом мне нужен человек с языком, - когда все утолили первый голод, заговорил Прокофий Игнатьевич. - Сам начну учиться, но до отъезда так, чтобы договоры читать, не выучусь. Не хотелось бы во всём от тамошнего толмача зависеть.

- Подберём, - согласилась я. - Лучше двоих. Один сможет сопровождать вас на выездах, другой будет оставаться в конторе. Но прежде их по своим каналам проверит Руднев.

- И пусть хоть один в торговле понимает. Мало слова перевести, надо в суть глядеть. И книги вести кому-то потребуется.

- Кстати, есть у меня на примете такие люди, - задумчиво огладив бороду, сказал дядя Михаил. - Поговорить с ними надо, захотят ли ехать.

- Поговори. Если захотят, познакомишь нас, побеседуем.

Михаил Константинович кивнул и прокряхтел, глядя на Тиунова:

- Чую, скоро у меня вовсе никого не останется.

- Дядюшка, мы же вместе это дело начали, - улыбнулась я.

- Знаю, - вздохнул он. - Но как бы так не вышло, что чай мне придётся на своём горбу тащить.

И глаза у него сделались грустные-грустные. Мы не выдержали и рассмеялись.

- Из вас вышел бы отличный актёр, Михаил Константинович, - отсмеявшись, заметил Пётр.

- Скажешь тоже, - отмахнулся Оболенский.

Прокофий, улыбаясь, вернулся к своим вопросам:

- По закупкам вот что думаю. Пока не увижу, чем там торгуют и почём, большого груза посылать не стоит. Образцы возьму, расценки нужны. И посчитаем всё вместе с доставкой, чтобы на месте не выяснилось, будто наша дешёвая мука дороже чужой.

- Да, мы так и хотели поступить, - согласилась я. - Сначала осмотритесь, проверите предложения Коула, параллельно поговорите с торговцами.

- Хорошо. И вот ещё что: в бумагах сумма на устройство дела указана. Если хозяин начнёт торопить, мол, завтра другому продаст, мне как быть?

- Пусть продаёт, - пожала плечами я. - Лучше упустить выгодную покупку, чем приобрести чужие долги и потом годами разбираться.

- Купчие проверят американские поверенные, - добавил Пётр. - Я заранее составлю для них подробные поручения. Пока не получите заключение о том, что с документами всё в порядке, денег продавцу не отдавайте.

Тиунов одобрительно кивнул. Я заметила, как он понемногу расслабляется. Видимо, опасался, что мы отправим его на другой конец света, а следом чуть ли не сразу начнём требовать отчётов и прибыли.

Принесли жаркое. Тиунов начал расспросы о дороге, о времени отъезда и о том, кто будет получать его письма. Пётр объяснил, какие бумаги приготовит заранее.

- Вы чай пить будете? - напомнила Мотя. - А то остынет же.

- Будем-будем, Матрёна Ильинична, - ответил дядя и забрал у меня блокнот, на котором я начала делать пометки. - Давайте насладимся пирожными Прасковьи и новым чаем из Китая.

Я кивнула и потянулась за чашкой.

- Страшно, - признался вдруг Прокофий Игнатьевич. - Страна чужая, порядки другие. Но утешает одно, я через многое прошёл, многое повидал, Михаилу Константиновичу помогал с делом сладить. Если уж тут всему научился, то и там справиться должен.

От этих простых слов у меня в груди потеплело.

- Спасибо вам за доверие, Прокофий Игнатьевич.

- Это мне благодарить следует, Александра Николаевна. Понимаю же, что не всякому такое предложат.

Глава 5

Холодные брызги летели в лицо, холодили кожу и мне хотелось счастливо рассмеяться. Я вытерла щёку перчаткой и снова посмотрела прямо перед собой. Муж стоял рядом и крепко держал меня за руку.

- Ты обещала сидеть, - проворчал он, наклонившись ко мне.

- Как тут усидеть? - улыбнулась я. - Хочу насладиться поездкой.

Тут катер качнуло. Пришлось ухватиться за поручень, и Пётр, покачав головой, с намёком посмотрел на скамью.

Огнеслав Степанович нас не слышал. Он склонился над открытым люком, прислушиваясь к мотору, и то и дело подносил ладонь к трубке, по которой за борт уходила вода из охлаждающих рубашек. Кран подачи воды он перед выходом прикрыл, чтобы ледяная невская вода не застудила мотор, и теперь проверял, горячей ли она выходит. Из-под кормы тянулся вспененный след.

Катер вёл нанятый для испытаний лодочник. Он стоял у штурвала и время от времени оборачивался к Костовичу, ожидая распоряжений. Макар устроился на корме возле приготовленного швартового каната и задумчиво смотрел на воду.

Я разглядывала дома на противоположном берегу. У пристани стояла барка, возле неё двое мужиков сворачивали канат. Один из них обернулся на наш катер и проводил его удивлённым взглядом. Его любопытство можно было понять. После переделки мы убрали высокую дымовую трубу, вместо неё теперь торчал короткий выхлоп, и старый катер выглядел непривычно. Из-за ветра стук мотора до берега едва ли доносился.

- Огнеслав Степанович! - позвала я. - Как подшипник?

Он отмахнулся, что-то проворчал и снова вернулся к своему двигателю. Я терпеливо ждала, минут через пять Костович выпрямился, вытащил из кармана платок, вытер руки и подошёл к нам:

- Не греется… А ну-ка, слышите? - вдруг напрягся он.

Несколько секунд я вслушивалась в стук двигателя. Уловить в нём тревожную ноту мне так и не удалось. Пётр тоже замер, но в итоге вопросительно посмотрел на изобретателя.

- Да не мотор! У борта дребезжит.

Я наклонилась вправо и услышала. При каждом толчке раздавался короткий металлический звон.

Костович попросил рулевого убавить ход. Звон прекратился, а когда обороты подняли, он появился вновь. Изобретатель присел возле отвода воды, прижал трубку тряпкой, и дребезжание исчезло.

- Ещё скобу поставим, - заключил он. - На стоянке при работе мотора такого не было.

- Записать? - я с готовностью вынула из сумочки книжку и карандаш.

- Запишите, Александра Николаевна, ещё время отметьте.

Старый катер теперь было не узнать. Ещё в сентябре из него вынули котёл с паровой машиной, и Костович со своими помощниками не раз лазили внутрь с рулеткой, прикидывая, как разместить новый двигатель и бак. Свободного места хватало, а вот с креплениями пришлось повозиться, как и с гребным валом. Но все наши старания и переживания были не зря - сегодня наш катер уверенно шёл против течения. Я стиснула руку Петра и улыбнулась ему. Так и хотелось попросить рулевого прибавить ходу, но вмешиваться в испытания не стоит.

- Сколько идём? - спросила я.

Пётр вынул часы.

- Сорок пять минут. Замёрзла?

- Разве что пальцы, даже перчатки не помогают.

Он накрыл мои ладони своими, поднёс к губам и подышал, делясь теплом.

- Скоро вернёмся, уже поворачиваем, - услышал меня Огнеслав Степанович и вернулся к люку.

Я кивнула и подтянула воротник пальто повыше.

Накануне Костович предложил ограничиться коротким выходом. Мотор уже испытали на стенде, но на катере оставались непроверенными вал с передачей, и торопиться изобретатель не хотел. Первый круг мы прошли возле пристани. Осмотрели соединения, убедились, что нигде не течёт, и только после этого отправились дальше.

Уговаривать меня остаться на берегу Пётр даже не пытался. Приехал вместе со мной, отложив все свои дела, и всё время был рядом.

Катер повернул, подставив борт ветру. Вода ударила в обшивку, и на колени мне попало несколько капель. Я довольно улыбнулась, а Пётр вздохнул и обнял меня покрепче. Да, со мной ему точно скучать не придётся, и он знал, с кем когда-то решил связать судьбу, потому, наверное, редко когда мне что-то выговаривал.

Тут лодочник повернулся к нам и спросил:

- А задний ход пробовать будем?

- На просторе попробуем, - отозвался Огнеслав Степанович. - К пристани пока не подходите.

Он дождался, когда впереди освободится вода, и подошёл к рычагам. Ход убавили. Винт отключили, хотя сам двигатель продолжал работать, и катер некоторое время двигался по инерции.

Костович выждал, переключил передачу и осторожно включил муфту. Под кормой забурлило. Катер замедлился, остановился и начал пятиться. Лодочник работал рулём, удерживая нужное направление.

- Удалось? - спросил Пётр.

- Сейчас посмотрим, как вернёмся к переднему ходу, - не позволил нам порадоваться изобретатель.

Ещё несколько минут он проверял переключение. Мотор не заглох. Огнеслав Степанович наконец отошёл от рычагов и разрешил вести катер обратно.

- Как считаете, долго человека обучать обращению с мотором? - спросила я у лодочника.

- Любого обучить можно, а вот как быстро - другой вопрос, - почесал он щетинистую щёку. - Многое от опыта и сноровки зависит, да и машину слушать надо. Вот если в середине реки встанет, тут хозяину и придётся разбираться.

Я кивнула, молча согласившись с лодочником. Нужно продумать систему обучения, прописать все правила, в том числе в аварийной ситуации.

У пристани сбавили ход. Макар поднялся со своего ящика и взял приготовленный канат. Огнеслав Степанович следил за работой передачи, а я держалась за поручень, стараясь не мешать.

С берега нам махнул рабочий. Лодочник подвёл катер, Макар перебросил канат. Когда судно закрепили, Костович заглушил двигатель.

- Час двенадцать минут со второго отхода от пристани, - сообщил Пётр.

Огнеслав Степанович велел помощнику проверить остаток горючего, а сам полез осматривать соединения. Я тоже подошла к люку и заглянула было внутрь, но муж успел взять меня за руку и остановить.

- Осматривать станут без тебя, тебе надо на берег и отогреться, не хватало ещё, чтобы простудилась.

- Мне уже не так холодно, - я снова потянулась вперёд.

- Саша, - добавил в голос строгости Пётр и я, разочарованно вздохнув, кивнула.

С берега Макар уже протягивал мне ладонь. Я выбралась из катера и с удовольствием встала на неподвижные доски.

Костович появился из люка с промасленной тряпкой в руке. На его щеке виднелась тёмная полоска. Следом подошёл помощник и протянул ему листок с результатами взвешивания.

- Одиннадцать фунтов керосина израсходовали, - объявил Огнеслав Степанович.

Я сделала запись в книжке.

- Девять с небольшим фунтов в час, - подсчитала я. - Семьдесят две минуты шли.

- Это меньше, чем при испытании на стенде, - заметил муж.

- Там полную нагрузку держали, - напомнил Костович. - А здесь и ход убавляли, и передачу проверяли. В журнале так и отметьте.

Я дописала пояснение и убрала книжку.

- Ну что, госпожа инженер? - Огнеслав Степанович старался говорить небрежно, с трудом удерживая улыбку - губы так и подрагивали.

Я шагнула к нему и обняла. Он растерялся, отвёл руку с грязной тряпкой и замер, опасаясь испачкать моё пальто.

- Спасибо вам, - проговорила я и отступила. - Вышло!

- Конечно, вышло, - буркнул он, но как-то совсем не ворчливо. - Скобу только добавим…

- Сашенька, приехали, - услышала я и открыла глаза, возвращаясь в настоящее.

Пётр придерживал дверцу кареты, ожидая, когда я вложу свою ладонь в его. С улицы тянуло морозным воздухом.

За его плечом виднелась Нева подо льдом. У берега снег уже успели истоптать, а дальше белая скатерть уходила к противоположной стороне.

- Задремала, а я тебя разбудил? - участливо спросил муж.

- Да, чуток… Приснился мне наш выход на катере, будто только вчера было.

- Мне тоже порой вспоминается. Особенно брызги в лицо и твои счастливые глаза, - улыбнулся он в ответ, затем помог мне выйти.

С ноябрьского испытания прошло меньше месяца. После возвращения Огнеслав Степанович добавил крепление трубки, мы разобрали записи, а катер подняли на берег и убрали под крышу, спустив из системы охлаждения воду. И оставили судно в покое до весны.

Макар вынул из кареты папку и передал мне. Я привычно перехватила её, зажала под мышкой и огляделась.

Мы приехали к месту будущего строительства «Золотого Рога». Здесь предстояло устроить строительную площадку, определить, куда именно разгрузят материалы и поставят мастерские.

Сторожка стояла у ворот, одной стеной выходя на улицу. Возле неё укрылись от ветра Тарасов с Веретенниковым. Владимир Иванович Машутов, городской инженер, достал из папки план и показывал им границы участка.

- Глеб Андреевич, давно мёрзнете? - спросил Пётр, подходя к ним и здороваясь.

- С четверть часа, Пётр Ильич. Добрый день, Александра Николаевна, - мужчина вежливо мне поклонился, за ним все остальные. - Посмотрели, где удобнее будет разгружаться.

За оградой лежали доски, сложенные штабелем. Летом из них собирали временные настилы для изыскательских работ. После разборки доски оставили здесь же, возле сарая.

- Этот участок принадлежит городу? - уточнил Пётр.

- Да, - подтвердил Машутов. - Подготовим схему размещения и представим в управу. Нужно согласовать, какую площадь займём и где оставим проезд. Соседний участок город сдаёт лесоторговцу. Если нашего не хватит, можно договориться и взять часть под склад у него.

Сторож заметил нас и поспешил к калитке.

- Здравствуйте, Александра Николаевна! Господа, добрый день. Опять с обмерами?

- Сегодня посмотрим, как строительную площадку устроить, - ответила я.

Он распахнул калитку и придержал её.

- Проходите, только под ноги глядите, скользко.

По снегу тянулись борозды от полозьев. У сарая на перевёрнутом ведре лежали рукавицы. Мы прошли к воде, и Веретенников остановился возле спуска.

- Предлагаю разгружать тут. Подъезд есть, повозки смогут подходить к самой площадке.

Я осмотрела берег и обернулась к воротам.

- А длинные части здесь развернём?

- Если убрать доски и освободить место возле сарая. Окончательно определимся, когда будем знать размеры отправочных частей.

- Завтра на заводе спросим, - кивнул Тарасов.

- Складировать можно дальше от воды, - заговорил Веретенников, раскрывая свою папку. - Здесь оставим место для разгрузки и подъёмных приспособлений.

Машутов помог ему развернуть схему.

- Покажите, как повезём отсюда, - попросила я. - И где будут собирать конструкции. Проезды нельзя забивать материалами.

Павел Гордеевич провёл карандашом по намеченному пути.

- Склад подвинем сюда… С этой стороны оставим свободную полосу.

- А мастерскую где поставим? - уточнил Глеб Андреевич.

Мы прошли вдоль ограды. Возле сарая снег намело выше щиколотки, и я пожалела, что отказалась от предложенных Мотей валенок.

- Здесь можно, - ткнул пальцем на свободное пространство Павел Гордеевич. - До разгрузочной площадки близко, и к воротам выход удобный.

- Поставьте по углам вехи, - предложил Тарасов. - И проверьте, не будет ли здесь скапливаться талая вода.

- Проверим.

- Лидваля пригласим, - продолжила я. - Пусть посмотрит площадку и поднимет летние записи по грунтам.

- Обязательно, - отозвался Глеб Андреевич. - По опорам тоже потребуется уточнение. Изыскания для конкурсного проекта у нас есть, но к рабочим чертежам понадобятся дополнительные данные.

- Перечень составили?

- Вчера закончил, будем в бюро - покажу.

Я просунула руки глубже в муфту, обхватив ладонями свои же запястья, и поёжилась от пронизывающего ветра, дувшего с реки.

- Давайте возвращаться. Дальше обсуждать лучше в тепле, - заметив это, предложил Пётр.

***

Вернувшись в бюро, я сняла шубу и отдала Фоме Акимычу, затем прошла к печке, чтобы погреться.

- Матрёна Ильинична видела, что ты уехала в ботинках? - поинтересовалась Степанида, нахмурившись.

- Нет, - покачала головой я.

- Ясно… Но, Сашенька, ведь так и простудиться недолго, - осуждающе вздохнула Степанида и принесла мне домашние туфли. - Снимай и вот это надень, ботинки твои я поставлю сушиться. В другой раз гуляй в валенках, нечего на моду смотреть.

Я улыбнулась и взяла в руки чашку с чаем, поданную Фомой Акимычем. Пётр устроился рядом. Городской инженер уехал в управу, пообещав разыскать ответ по участку и сообщить нам.

Веретенников разложил план на столе.

- По площадкам завтра к вечеру подготовлю предварительное сравнение. Окончательно считать будем после разговора с арендатором.

- И после завода, - напомнил Тарасов.

- Да.

Я сделала глоток, посидела ещё минуту, после чего встала и, взяв папку, раскрыла её. Пётр достал проект договора с городом, на страницах которого виднелись его пометки.

- Здесь ещё два вопроса нужно решить, - начал он. - Первая выплата бюро полагается после утверждения всего комплекта рабочих чертежей.

Кузьминична немедленно придвинула стул.

- А до утверждения чем платить жалованье? - спросила она.

- Вот именно, - отозвался Пётр. - Предлагаю начальную выплату при заключении договора, остальное распределить по согласованным частям работы.

- Тогда нужно определить, что будем передавать отдельно, - постучал костяшками пальцев по столу Тарасов. - Чертежи оснований и опор пойдут раньше пролётных строений. Механизмы тоже потребуют своего комплекта.

- Давайте сегодня составим перечень, - решила я. - Глеб Андреевич, отметьте, какие данные нужны для каждой части и от кого мы их ждём. Ещё условие об общем наблюдении за постройкой сформулировано слишком широко.

Я потянулась к документу и прочитала отмеченный абзац. От бюро требовали ежедневно проверять материалы и следить за работой подрядчиков. Для этого мне придётся нанять отдельную группу инженеров, и расходы на её содержание нужно будет включить в договор с городом.

- Проверка качества материалов, надзор за изготовлением и сборкой, - проговорила я. - Этим мы заниматься готовы. Однако кто будет постоянно работать на месте, сколько людей потребуется и кому они подчиняются, надо определить заранее.

- И полномочия, - добавил Тарасов. - Если материал не годится, я должен иметь право его отклонить с записью причин и уведомлением городского инженера.

- Внесу, - кивнул Пётр. - Также уточним порядок рассмотрения замечаний. Кто принимает решение при споре с подрядчиком и в какой срок.

Я отставила опустевшую чашку.

- Когда всё это уладим, тогда и людей начнём приглашать. Степанида Кузьминична, Аграфена Тихоновна, пока подготовьте расчёт по дополнительным чертёжникам. Отдельно посчитайте группу для работы на месте. Мы её сразу целиком нанимать не станем, но город должен понимать предстоящие расходы.

- Часть уже посчитала, - отозвалась Степанида. - Только по жалованью инженеров с вами сверить надо.

Аграфена Тихоновна вышла, чтобы принести свою тетрадь, и в возникшей паузе к нам заглянул Щусев, чтобы спросить, когда можно показать исправленный портал.

- После обеда, Алексей Викторович, - попросила я. - Как закончим с мостом.

Он кивнул и вышел.

- Основные работы на реке летом начнём? - уточнил Пётр.

- После ледохода можно будет приступать, если к тому времени всё подготовим, - ответил Тарасов. - Но дату сейчас называть не станем, ещё рано. По основаниям нужны окончательные решения, и помните, что надо ещё оборудование заказать.

- На конец весны рассчитываем? - спросила я.

- Полагаю, что лучше сначала показать в графике, что требуется успеть до конца зимы, а ближе к делу сроки станут понятнее.

За зиму предстояло закончить расчёты и выдать первые рабочие чертежи. Да и заводам требовалось время на подготовку.

- Сколько человек прибавим в чертёжную? - поинтересовалась Кузьминична.

Мы склонились над её расчётами и просидели над ними ещё час.

Когда совещание закончилось и мы стали собираться, Тарасов напомнил о поездке:

- Завтра Лосев и заведующий производством ждут нас к десяти.

- А вы с нами поедете? - посмотрела я на него.

- Да. По сборке у меня вопросов накопился целый ворох, - кивнул Веретенников, убирая план в свою папку.

- Хорошо. Посмотрим, какие у них возможности. И про площадку для проверочной сборки спросим.

- А я выясню, какие обязательства завод готов принять по срокам, - добавил Пётр. - При условии, что именно они получат заказ, разумеется.

Глава 6

Лосев встретил нас у заводских ворот и первым делом предложил пройти в контору погреться. Тарасов задержался ненадолго, чтобы рассмотреть двор, а Веретенников остановился возле лежавшей на подкладках фермы.

Ангара выбралась из кареты следом за мной и ткнулась носом в перчатку. Я погладила её по голове и передала поводок Макару.

- Сначала мастерские, Аркадий Никитич, - попросила я.

Лосев подозвал инженера.

- Денис Иванович Селиванов, заведующий производством. Александра Николаевна Громова-Оболенская.

Селиванов поклонился, поздоровался с остальными и сразу обратился к Тарасову:

- Общий вид получил. Скажите, вы предполагаете отправлять части по воде?

- Рассматриваем оба пути. А что?

- От этого зависит, на какие части делить. Пойдёмте, покажу вам тут всё.

Макар пропустил нас вперёд.

Под потолком вращались валы, от них к станкам тянулись ремни. У ближайшего сверлили отверстия в стальной полосе. Рабочие перекрикивались, даже иной раз переругивались. В общем, в мастерской было достаточно шумно.

Я задержалась у решётчатого пролёта.

- Для кого делаете? - громко спросила я.

Селиванов назвал заказчика и показал на прикреплённую дощечку.

- Второй комплект, первый уже отправили. Этот будут принимать в пятницу.

- Кто наблюдает за изготовлением? - поинтересовался Пётр.

- Инженер заказчика. Приезжает по вторникам, а при испытаниях и сборке вызываем отдельно.

Пётр записал фамилию. Я попросила разрешения подняться на помост.

- Ара, жди, - велела я собаке, шагнувшей следом. Макар остался с ней внизу.

Селиванов, приказав рабочему убрать с прохода инструмент, подвёл нас к соединению. Тарасов присел на корточки, чтобы разглядеть стык, и спросил, как подгоняли отверстия. Заведующий объяснил порядок. Глеб Андреевич уточнил размер, достал книжку и несколько минут сверял записи. Веретенников тем временем осматривал подкрепления под помостом.

- А такую сборку для наших арок вы где устроите? - поинтересовалась я.

Мы спустились с помоста, и Макар с Ангарой присоединились к нам. Селиванов поманил нас к выходу. За мастерской тянулся двор, дальше стоял навес. Под ним сложили листовое железо.

- Здесь. Земли хватит, но площадку придётся подготовить. Основание, подкладки, пути для перемещения частей. Подъёмные приспособления добавим.

- Сразу под оба пролёта? - уточнил Веретенников.

- Под один. После проверки первого разберём его и на том же месте соберём второй.

- На разборку тоже потребуется время, - заметил Тарасов. - Вы его в срок изготовления включаете?

- Разумеется. Но сам срок пока назвать не могу. Каждый пролёт длиной шестьдесят две сажени, а ведомости частей я ещё не получил. Нужно знать их размеры и вес, чтобы рассчитать работу.

Глеб Андреевич снял очки и протёр их платком.

- Проверка соединений до отправки обязательна.

- Согласен. Но дайте порядок проверки. Одну арку целиком поднимем на подкладках, разберём, займёмся второй. Или собираем участками с перекрытием стыков. По времени и расходам получится разница.

- При сборке участками нужно доказать, что общая геометрия выдержана.

- Для этого и прошу ваши требования заранее.

Оба замолчали.

- Мы подготовим два варианта и сравним, - предложила я. - Утверждать порядок приёмки будут вместе с рабочими чертежами. Сейчас нужно понять, что именно ваш завод способен выполнить.

Селиванов кивнул.

- Пришлите размеры самых длинных и самых широких частей. И предполагаемый вес. Тогда смогу ответить по подъёму и вывозу.

- Подробные размеры ещё определяем, - напомнил Веретенников. - Можем дать предварительные.

- С пометкой, что они предварительные.

- Так и сделаем, Денис Иванович. Окончательные данные выдадим отдельно.

Селиванов проводил нас в следующую мастерскую. У длинного стола двое рабочих размечали лист по шаблону. Мастер остановил одного из них, проверил расстояние от отверстия до края и велел исправить разметку.

Тарасов подошёл ближе и задал вопрос Селиванову. Я слушала их и время от времени уточняла, как будут отмечать детали перед отправкой.

- На каждой детали поставим номер, - объяснил заведующий. - Такой же укажем на сборочном чертеже, чтобы рабочие знали, куда её устанавливать.

- К каждой партии приложите чертежи и список деталей с номерами, - добавил Веретенников.

- Подготовим. Только заранее определите, какие детали понадобятся вам первыми. В таком порядке и будем их отправлять.

Я вспомнила вчерашний берег и узкий проход возле сарая.

- У места строительства негде хранить сразу все конструкции, - заметила я. - Павел Гордеевич, составьте предварительный план поставок: что потребуется для начала сборки, а что можно привезти позже. Согласуем его с заводом.

Веретенников записал поручение.

У сверлильных станков Селиванов остановился.

- Для обработки мостовых деталей понадобится станок побольше. У поставщика уже запросили цену и срок изготовления.

- Заказали? - уточнил Пётр.

- Пока нет. Для нынешних работ нам хватает имеющегося оборудования. Если получим подряд на «Золотой Рог», владельцы купят новый станок раньше, чем собирались.

- То есть не будете просить город возместить эти расходы, ежели что?

- Не будем. Покупку станка наше предприятие оплатит само. Он останется у нас и будет работать на следующих заказах. В смету моста включим лишь изготовление подставок для сборки пролётов и шаблонов для разметки отверстий. Их придётся делать по вашим чертежам.

- Тогда стоимость подставок и шаблонов укажите отдельно от изготовления самих конструкций, - попросил Пётр. - Чтобы при сравнении предложений было понятно, что входит в общую сумму.

Селиванов согласился и сделал запись в своей записной книжке.

Обошли ещё склад проката. Глеб Андреевич проверил несколько клейм, спросил о документах поставщиков. Лосев велел принести бумаги в контору, где для нас накрыли стол.

Нас провели в комнату с печью. Служитель принёс самовар и тарелку с печеньем. Макар отстегнул поводок, и Ангара улеглась возле моего стула. Пётр подал мне чашку. Я обхватила её ладонями, а Селиванов положил перед Тарасовым план мастерских, и они оба склонились над ним.

- Господа, вы хоть чай попейте, - позвала я их.

- Сейчас, Александра Николаевна.

Впрочем, до чашек они всё же добрались, когда служитель вернулся с ароматными пирожками.

Лосев достал письмо банкирского дома. Пётр вынул привезённую из бюро копию и стал сравнивать написанное в документах.

- Здесь прибавились условия, - заметил он.

- После нашей встречи я запросил пояснения.

В итоге разговор затянулся на полтора часа. Все друг за другом что-то спешили записать, а я молча слушала и крошила печенье в блюдце.

Наконец-то, когда обсудили основные моменты, засобирались домой.

Дома Мотя первым делом поинтересовалась, обедали ли мы. Пришлось признаться, что перебились чаем с пирожками. Нас тут же под возмущённое аханье усадили за стол и подали одуряюще пахнущий густой суп.

***

Зина поймала мою руку и снова положила себе на живот.

- Подожди. Сейчас опять.

Я послушно замерла. Несколько секунд ничего не происходило, а затем под ладонью толкнулось.

- Чувствуешь?

Я кивнула и улыбнулась. Зина следила за моим лицом с таким воодушевлением, что я рассмеялась.

- Сильный у тебя жилец.

- Особенно ночью. Как соберусь спать, так целый кордебалет начинается!

Шёл восьмой месяц её беременности. На диване под поясницей подруги лежала подушка, под ноги Василий принёс скамеечку. Зина жаловалась, что муж стал ещё более дотошным: без конца спрашивал, поела ли она, не замёрзла ли, не устала ли, следил, чтобы на полу не валялись предметы.

Я взяла со столика крошечный чепчик. Завязки ещё не пришили, внутри торчала иголка с ниткой. Я подержала чепчик на раскрытой ладони. Мои мальчишки когда-то тоже помещались у меня на сгибе руки. Вспомнилось, как я боялась будить старшего, чтобы переложить в кроватку, и сидела, пока не затекала спина. Улыбнулась воспоминаниям, точнее, тому теплу и светлой тоске, которые возникали, стоило мне подумать о родных. Сдержав грустный вздох, вернула чепчик подруге.

- Сама шьёшь?

- Иногда. Матушка считает, что мне нельзя утомляться, и отбирает работу. А свекровь велит ходить, чтобы не сидела целый день. Вчера они встретились у нас и полчаса выясняли, кого же мне слушать.

- А Василий что? - хмыкнула я.

- Сбежал по делам.

Мы рассмеялись, и Зина закашлялась. Я дождалась, когда приступ закончится, и подала ей чашку.

- Часто бывает?

- По утрам ещё кашляю. Аркадий Матвеевич был на прошлой неделе. Велел показаться снова, если станет хуже. Акушер тоже за мной смотрит.

Я вспомнила её прежнюю спальню с отсыревшей стеной и те полные тревоги дни, когда мы ждали ответа из институтской лаборатории.

- Слушай предписания врача и гуляй почаще, тут я соглашусь с твоей свекровью, - погладив подругу по руке, улыбнулась я. - Всё будет хорошо. Если что, шли ко мне гонца, мигом приеду.

В дверь постучали, и к нам заглянул Василий спросить, не нужно ли чего. Зина попросила принести коробку с лентами.

- К Степаниде сегодня поедешь? - спросила подруга.

- С Петром условились встретиться у неё.

- Передай ей от меня поклон. И скажи, что про обещанный пирог я не забыла. Жду, когда угостит

***

Фома Акимыч, широко улыбаясь, открыл калитку.

- Барышня! А я уж думал, когда же вы к нам в гости пожалуете. Как когда-то, просто так, без повода.

- Соскучились? - спросила я.

- Ещё как! Кузьминична сегодня трижды посылала посмотреть, не подъехали ли вы.

- Фома! - донеслось из дома. - Один раз просила!

Старик подмигнул мне и пропустил во двор. Ангара потянулась к нему, ткнулась носом в рукав. Фома погладил её, ласково потрепал между ушами и, ловко вынув из кармана вкусняшку, скормил собаке. Я, конечно же, всё видела, но сделала вид, что в этот момент ослепла.

В сенях пахло сушёными травами. Всё там же висел тулуп, правда, уже новый; под лавкой стояли валенки. Я задержалась возле порога, пока Фома отряхивал веничком снег с моего подола.

В этом доме меня однажды накормили, не зная, чем обернётся такое гостеприимство. Я помнила, как торопилась есть и как Мотя молча подливала квас.

Кузьминична и Акимыч вернулись сюда, решив, что ночевать в бюро не дело, когда есть родной дом, правда, они его прежде отремонтировали.

Степанида вышла мне навстречу, вытерла руки о полотенце и крепко меня обняла, хотя виделись мы буквально вчера днём.

Я поцеловала её в щёку. Она смутилась и принялась развязывать мой платок.

- Проходи, все уже здесь.

Пётр встретил меня в комнате и забрал шубу с муфтой. Мотя стояла возле печи и что-то помешивала в кастрюле, за столом Михаил Константинович с Прокофием рассматривали карту. Дуняша стояла у окна рядом с Антоном и тихо о чём-то с ним беседовала. Заметив меня, она тут же поздоровалась, Антон поклонился.

- Уже дорогу прокладываете? - спросила я, подходя к дядюшке.

- Здравствуй, Сашенька. Да, прокладываем, - отозвался он. - Прокофий мысленно добрался до Америки и решил, что дальше разберётся на месте.

- Доброго дня, Александра Николаевна, - поклонился Тиунов и тут же возразил Оболенскому: - Я не так выразился, Михаил Константинович! Расписание пароходов ещё узнать нужно. Сейчас-то мне откуда эти сведения взять? Бог весть, когда они там отходят.

Я села на скамью, муж опустился рядом со мной.

- До Гамбурга поедете по железной дороге, - взглянув на карту, сказала я. - Там сядете на пароход до Нью-Йорка, а дальше снова поездом, через всю Америку, до Сан-Франциско.

Прокофий нашёл город и ткнул в него пальцем.

- Здесь же господин Коул?

- Да. Адрес его конторы у вас есть. Сначала встретитесь с ним, осмотритесь. Он поможет выяснить, каким рейсом удобнее отправиться дальше. Из Сан-Франциско можно пароходом дойти до Сиэтла, а там пересесть на другой, до Ситки.

- Это сколько же раз вещи перегружать, - вздохнула Мотя.

- Вот и я говорю, много брать не стану, - подхватил Прокофий. - Только Михаил Константинович уже велели чай уложить, ещё всяких солений-варений…

- Велел, - подтвердил дядя. - Ты прежде попробуй тамошний, а уж тогда от нашего отказывайся.

- Да я не отказываюсь. Я боюсь, что разобьют там всё - одни осколки доедут.

- Всё хорошо будет, упакуем добротно, не переживай. А по приезде с Коулом чайку попьёшь, угостишь. За чаем и разговор легче пойдёт.

Прокофий умоляюще на меня посмотрел.

- Александра Николаевна, мне господину Коулу письмо везти или гостинцы?

Я рассмеялась.

- Конечно же, письмо. Но чай возьмите, пригодится, - подмигнула я. - Или чего покрепче, чего у них нет.

- Эх! - махнул рукой Прокофий, но тоже улыбнулся.

Пётр дождался, пока мы отсмеёмся.

- Бумаги я подготовлю. Перед отъездом ещё раз всё переберём вместе. Паспорта и рекомендательные письма держите при себе. Адрес Коула запомните наизусть, мало ли. Деньги не храните в одном месте, распределите по разным местам, в подкладку вшейте.

Прокофий кивнул.

- Для документов у меня кожаная сумка есть. С ней ещё в Иркутск ездил.

- Замок цел? - поинтересовался Фома Акимыч.

- Вроде цел, - пожал плечами Тиунов.

- Принеси, погляжу.

Я покосилась на книжку Прокофия с внушительным списком покупок.

- Обувь не забыли?

- Заказал. Обещали к будущей неделе пошить.

Дядя оторвался от карты.

- Только ты её сразу в сундук не убирай. Походи сперва. Где жмёт, пусть сапожник поправит.

Прокофий опустил глаза к своей увечной ноге.

- Сам понимаю.

- С шерстяным чулком примеряй, - вмешалась Мотя. - И другую пару возьми. Намочишь одни, в чём ходить будешь?

- Возьму, Матрёна Ильинична.

- И белья побольше.

- Ага…

- Ты на всё киваешь, а сам, поди, половину оставишь.

- Так вы же мой сундук всё равно проверите.

Мотя довольно хмыкнула, мол, да, непременно проверю!

- Плащ от дождя тоже нужен, - добавила я. - И смену одежды держите так, чтобы можно было достать, не разбирая весь багаж.

- А товарные образцы? - спросил Прокофий. - Их вместе с вещами укладывать?

- Отдельно. Закупать большую партию здесь пока не будем.

- Это верно, - поддержал Михаил Константинович. - Сперва узнай, почём там такое продают. Может, наша доставка всю выгоду съест.

Он принялся объяснять, о чём следует расспросить Коула. Прокофий слушал внимательно, изредка записывал. Я уже собралась напомнить дяде, что мы приехали в гости, когда Мотя подошла к нам.

- Чаю налить или вы ещё по вымышленным морям поплаваете?

Михаил Константинович виновато посмотрел на няню.

- Налей, Матрёна Ильинична.

Прокофий закрыл свою записную книжку, и Мотя поставила перед ним свежую чашку, подвинула блюдо с пирогом.

Я оглянулась на Дуняшу. За всё время нашего разговора она не произнесла ни слова. Стояла возле Антона, нервно теребя пуговку на рукаве. Антон наконец накрыл её пальцы своей ладонью.

Кажется, нас ждут интересные новости.

Дуняша набрала воздуха в грудь и выпалила:

- Александра Николаевна, мы с Антоном Ивановичем решили пожениться.

- Просим вашего благословения, - поклонился Антон.

Я встала и улыбнулась:

- Дуня! Радость-то какая! - и шагнула к ней. Мы обнялись, у меня в носу защипало, на глаза сами собой навернулись слёзы.

Мотя громко всхлипнула, а Степанида, чтобы скрыть свои чувства, проворчала:

- Ну чего ты, Ильинична, неча сырость разводить! На, носовой платок мой возьми.

- Ничего, - отмахнулась няня и, выхватив платок, шумно высморкалась.

Я подошла к Антону. Он стоял, выпрямившись, и ждал.

- Поздравляю, Антон Иванович. Тебе несказанно повезло. Береги нашу Евдокию.

Вместо рукопожатия я обняла его. Несколько мгновений он не двигался, затем неловко похлопал меня по спине.

- Обещаю беречь, Александра Николаевна, - ответил он.

- Давайте все за стол! - позвала Мотя и мы устроились на лавках.

- Когда венчание? – спросила я, усаживаясь рядом с Дуняшей.

- После Святок. С батюшкой уже поговорили.

- А где жить будете?

- Квартиру снял, - отозвался Антон. - Две комнаты. Дуне до клиники будет близко.

Они смотрели друг на друга так, что мне тут же стало ясно: эти двое очень сильно любят друг друга.

- Женихом ты мне нравишься больше, чем охранником, - объявил дядя.

- Отчего же? - удивился Антон.

- Наконец-то не откажешься от наливки!

Народ рассмеялся, посыпались шуточки и поздравления. Степанида принесла пирог с грибами и велела передавать по кругу, пока не остыл. Мотя взялась разливать чай.

- И давно всё решили? - шепнула я на ушко Дуне.

- В прошлое воскресенье.

- А мне не сказала? - сделала я вид, что обиделась.

- Хотелось вместе, - тут же поспешила оправдаться девушка. - Вот и попросили Кузьминичну собрать нас.

- Да всё хорошо, - успокоила я её. - Правильно поступила. В этом доме, считай, нас спасли, обогрели. Символично получилось.

- Я Дуняшу от себя отпускать не хочу, - вдруг призналась Мотя. - Привыкла. Утром на курсы бежит, вечером рассказывает…

- Мы приходить будем, - пообещала девушка.

- Да-да, - фыркнула няня, - все поначалу так говорят, а потом о нас, стариках, забывают.

Антон отставил чашку.

- Обещаю, Матрёна Ильинична, будем навещать, ещё сами гнать станете.

Мотя взглянула на него и вдруг улыбнулась.

- Ну, тебе-то верю.

И мы снова рассмеялись.

Это был замечательный, незабываемый вечер в кругу моих родных - ещё один в копилку дорогих сердцу воспоминаний.

Глава 7

Дядя ворвался в бюро около полудня. Из коридора донёсся голос Фомы Акимыча, уговаривавшего дядю немного подождать.

- Обождите, Михаил Константинович, у Александры Николаевны чертёжники…

- Пусть пока без неё обойдутся!

Дядя решительно толкнул дверь. Шуба была расстёгнута, шапка съехала назад, а в кулаке он сжимал лист бумаги.

- Это что такое? - он положил лист передо мной.

Я спокойно изучила содержимое.

- Смета для твоей лавки, дядюшка. Ты ведь хотел знать, во сколько тебе всё обойдётся, - я с трудом сдержала улыбку.

- Мне эту смету с утра Семён Архипович вручил. Прилавок, шкафы для чайниц, тумбы, установка. К оплате триста рублей, - он ткнул в итоговую строку. - Триста, Саша! Это шутка какая-то? У тебя здесь шутник завёлся? Я в деньгах, ты же знаешь, порядок люблю, такое же меня выбивает из колеи. Ты же мне цену объявила в полторы тысячи…

Степанида выглянула из соседней комнаты и, увидев Оболенского, сразу всё поняла и прикрыла рот ладонью, чтобы не рассмеяться.

- Триста рублей, ошибки нет. Те самые триста, что я тебе сберегла, - отозвалась я. - Именно столько с тебя и причитается. Остальное я дарю тебе ко дню рождения.

Дядя открыл рот и закрыл. Сел и медленно перевёл взгляд с моего лица на смету в своих руках.

- Ты мне всё это даришь? - переспросил он.

- К твоему дню рождения.

- И прилавок… целиком?

- Прилавок и шкафы. Тумбы тоже.

Он стянул с головы шапку, отёр пот с лица.

- Вот так сюрприз!

Он замолчал, глядя невидящим взором в окно, где по синему небу плыли белые облака. Мои ребята-архитекторы улыбались, но сидели тихо.

- Саша, я вот как думаю… Своих детей мне Бог не дал, - проговорил дядя хрипло. - Зато подарил тебя. Дочка ты мне, Сашенька. Чего большего желать-то?

Я выбралась из-за стола и обняла его, обхватив за плечи. Мех холодил щёку, от дяди пахло морозом и терпким чаем.

- Ну, хватит, - он похлопал меня по плечу и отстранился. - А то ещё расплачемся оба… С тремястами рублями, значит, мне всё-таки придётся расстаться, плутовка.

- Придётся, - рассмеялась я.

Поднявшись со стула, дядя надел шапку, дошёл до двери и повернулся ко мне.

- Вот ещё бы ты меня внучатами порадовала. Уж после этого можно будет и на покой.

- Дядюшка, что вы такое говорите?! - возмутилась я.

- Не пугайся, шутка это. Помирать не стану, мне ещё внуков нянчить, я их очень жду, так и знай.

И вышел, плотно притворив за собой дверь.

На слове «внуки» я вспомнила своих сыновей. И очень хотела детей от Петра, но что-то пока никак не получалось. Женские дни ходили как по часам… Наверное, стоит наведаться к доктору и проконсультироваться.

- Сашенька, - негромко позвала Степанида, тронув меня за руку. - Что с тобой?

- Всё хорошо, - заверила я её с улыбкой. - Как считаешь, дяде сюрприз понравился?

- Очень, - кивнула она, не сводя с меня глаз. - Вот что скажу, я ведь несколько раз принималась эту смету набело писать. Рука всё никак не поднималась триста ставить… Щедрый подарок, как по мне даже чересчур.

В этот раз сдерживать смех никто не стал.

***

К дяде на Литейный мы съехались двадцать седьмого декабря.

Фёкла, новая дядина кухарка, с утра готовила в одиночку, но к полудню к ней без приглашения явились две помощницы. Моте понадобилось взглянуть, как подходит тесто. Степанида отправилась следом выяснять, чем там занята Мотя.

- Ты ведь сегодня в гостях, Кузьминична, - напомнила Мотя, забирая у неё полотенце. - Ступай за стол.

- Сама-то почему здесь?

- Я всего-то на минуту заглянула.

- Так я тоже ненадолго.

Фёкла, поглядывая на обеих, молча отодвигала кастрюли подальше от них.

В дверях показался именинник и остановился, оглядывая собравшихся у плиты.

- Матрёна Ильинична, Степанида Кузьминична! Вы мой день рождения отмечать пришли или повара проверять?

- Сейчас выйдем! - пообещали они в один голос, продолжая хлопотать.

Только Антон сумел увести их от плиты. Он молча взял обеих под руки и повёл в столовую. По пути обе недовольно ворчали, но сопротивляться не стали.

Илья Петрович и Анна Васильевна приехали последними. Свекровь подарила Михаилу Константиновичу вязаный шарф, а свёкор бутылку выдержанной мадеры.

Ёлку поставили в углу у окна, которая упиралась серебряной звездой в потолок. На ветках висели золочёные орехи, румяные яблоки на красных нитках, конфеты в шуршащих бумажках и пряники в белой глазури. Между ними поблёскивали стеклянные шары, тонкие, как мыльный пузырь. Ангара обходила ёлку стороной. Утром она сунулась обнюхать нижние ветки, укололась и с тех пор поглядывала на ёлку с глубоким подозрением.

Ваньке не давал покоя пряник на нижней ветке - конь с глазурной гривой. Ванька всё время вертелся рядом с ним, то трогал его пальцем, то нюхал.

- Сладкое после пирога, - погрозила ему пальцем Мотя.

Ванька вздохнул так горестно, что вызвал у нас у всех смех.

Макар втиснулся рядом с Антоном. Оба сидели прямо, как на посту. Ангара улеглась у меня в ногах под столом и делала вид, что спит, но стоило кому-нибудь звякнуть вилкой, одно ухо у неё тут же заинтересованно приподнималось.

Пустовали только два стула, приготовленные для молодых Долгоруковых. Акушер запретил Зине выходить из дома, и Василий остался с женой. Дяде он прислал записку с извинениями и поздравлениями, а ещё серебряную чайницу с гравировкой «Михаилу Константиновичу, знатоку чая».

Прокофий поднялся с рюмкой, когда подали жаркое.

- Михаил Константинович, - произнёс он, прочистив горло. - Вы уж простите, красиво говорить не умею. Сколько мы с вами чаю перевезли за эти годы, сколько вы мне помогали - всего и не упомнишь. Здоровья вам, Михаил Константинович. Пусть торговля идёт в гору. И чтобы я, когда уеду… - он не договорил, замялся. - Чтобы всё у вас спорилось. И жилось в радость.

- И у тебя, мой друг, пусть всё на новом месте сладится. Жду от тебя самородок, - улыбнулся дядя, вставая, - как найдёшь свою золотую жилу. С кулак! Но лучше вдвое больше!

И снова смех, объятия. Еда была вкусной, сытной. Мы говорили тосты, делились забавными историями.

Когда дошло до десерта, няня подошла к буфету и взяла свёрток в цветной бумаге, перевязанный лентой.

- Держи, Дуняша, - и протянула его девушке. - Это вам на венчание под ноги. Приходилось по ночам за вышивкой сидеть, чтоб ты раньше времени не увидела.

Дуняша сняла обёртку и расправила полотенце. По краю шли красные петухи и ветки, а в середине сидели два голубка.

- Матрёна Ильинична, я… - Дуня осеклась, голос задрожал.

- Будет тебе, - Мотя тоже шмыгнула носом. - Ты не думай, что я тебя из дома гоню. Я тебя отдаю. За хорошего человека замуж отпускаю.

Антон поднялся, обошёл стол и поклонился няне в пояс. Мотя отмахнулась от Антона и промокнула глаза платком.

Когда самовар унесли, Васька вдруг вскочил и выбежал в коридор, правда, вскоре вернулся, с зажатым под мышкой «Кодаком». В другой руке он нёс деревянный лоток.

- Павел Карлович дал вспышку, - торжественно объявил он с порога. - Только велел за опалённые брови потом на него не пенять.

- Господи, - перекрестилась Мотя, - ты что, дом спалить вздумал?

- Не бойтесь пожара, Матрёна Ильинична. Я со вспышкой уже три раза потренировался, - уверенно заявил малец.

- Целых три? И как?

- До сих пор никто не сгорел и мои брови на месте, - Вася весело ткнул пальцем себе в брови.

Поставив аппарат, он принялся расставлять нас для снимка. Антона, Петра и Макара определил во второй ряд, Михаила Константиновича усадил по середине, а возле него устроил Анну Васильевну и Илью Петровича. Для Моти тоже приготовил стул, но она вдруг возразила:

- Не барыня я посерёдке сидеть.

- Так и не посерёдке же, Матрёна Ильинична! А с краю.

Мотя подумала, вздохнула и села.

Я встала возле дядиного стула, рядом с Петром. Муж обнял меня за талию, а я положила руку дяде на плечо.

Ангара улеглась у моих ног и посмотрела точно на Василия, мол, снимай, вот я какая красавица!

Васька вернулся к фотоаппарату и поднял лоток на вытянутой руке.

- Замрите все! И дыхание задержите!

Все послушно затихли и перестали двигаться.

Я посмотрела в тёмный глазок объектива и счастливо улыбнулась.

***

Санкт-Петербург, 29 декабря 1894 года

В управу мы с Петром приехали за четверть часа до назначенного времени. Тарасов уже сидел возле окна с раскрытой папкой на коленях и что-то торопливо записывал.

- Добрый день, Глеб Андреевич. Как ваши дела?

- Да вот, с отчётом не управился, Александра Николаевна. Думал, пока вас дожидаюсь, закончу.

Он захлопнул папку и поднялся нам навстречу.

Тут из кабинета выглянул Машутов.

- Господа, прошу! Все уже собрались.

Лосев ждал нас у стола. Рядом с ним стоял незнакомый мужчина лет пятидесяти, а может, и старше, совершенно седой, с коротко подстриженными усами. Тёмный сюртук сидел на нём безукоризненно.

- Андрей Павлович Вельский, старший компаньон банкирского дома «Вельский и К°» и владелец завода, - представил его Аркадий Никитич. - Александра Николаевна Громова-Оболенская, Пётр Ильич Громов и Глеб Андреевич Тарасов.

Вельский вежливо с нами раскланялся.

О новом знакомом Пётр успел рассказать ещё дома. Потомственный дворянин, служил в Министерстве финансов, вышел в отставку действительным статским советником. Теперь через его банкирский дом французские пайщики вкладывали деньги в российские предприятия. По словам мужа, Андрей Павлович имел весьма обширные связи.

- Наконец-то познакомились, Александра Николаевна. Денис Иванович после вашего визита потом несколько дней говорил мне, что если мы вам подойдём, то хлопот не оберёмся, - голос у Вельского был приятный, с лёгкой хрипотцой.

- Ну, хлопот в таком большом деле, как возведение моста, ни вам, ни нам, увы, не избежать, - улыбнулась я.

- Что правда, то правда, - улыбнулся он в ответ, продемонстрировав крупные жёлтые зубы.

Расселись. Машутов разложил перед нами экземпляры договора и предложил ещё раз проверить приложения. Пётр занялся нумерацией листов, Тарасов углубился в техническую часть, а мне досталась ведомость чертежей, которые наше бюро обязалось передавать заводу по мере готовности.

На пятой странице я остановилась.

- Глеб Андреевич, взгляните, здесь указана старая дата.

Тарасов подвинул к себе документ.

- Недоглядели… Мы же эту группу после уточнения опорных частей собирались передавать.

- А у меня тоже прежнее число стоит, - заметил Вельский, проверив свой экземпляр. - Как поступим?

- Исправим, - отозвалась я. - Только прежний срок обещать не стану. Сначала нужно закончить расчёты.

- Разумеется. Тогда и начало заводских работ по этим деталям придётся перенести. Денис Иванович, у нас ведь в производственном расписании тоже эта дата проставлена?

Лосев кивнул, подтверждая.

Я мысленно поставила Вельскому плюс. Всплыви эта путаница весной, завод встал бы в ожидании наших чертежей, а виноватыми оказались бы мы.

Машутов позвал писца. Даты исправили во всех экземплярах, сверили между собой и удостоверили поправку.

- Андрей Павлович, - обратился Пётр к заводчику, - кого вы назначите для постоянной переписки с нашим бюро?

- Селиванова. Он у нас технической частью ведает. Если отлучится на производство, письма примет контора.

- Нам бы хотелось иметь дело непосредственно с инженером, - заметил муж. - Иначе пока письмо пройдёт через несколько рук, неделя потеряется.

- До сих пор всё шло через вас, Аркадий Никитич? - спросил Вельский у Лосева.

- Так было удобнее, пока предложение готовили.

- А теперь не стоит усложнять. Пусть инженеры общаются напрямую. Денис Иванович, распорядитесь, чтобы Селиванов знал, кому писать и куда отправлять срочное.

- Подготовлю адреса, - кивнул тот, - только копии писем нам всё же понадобятся.

- По договорным вопросам, безусловно, - ответил Пётр. - А согласовывать каждую техническую мелочь через конторы нет никакой необходимости.

От этой переписки уже голова шла кругом. В прежней жизни меня раздражали бесконечные письма с десятком людей в копии. Сейчас же я бы многое отдала за электронную почту. Отправил запрос, к вечеру получил ответ - красота! А здесь пока письмо доставят, пока прочитают, пока напишут ответ…

Наконец со сверкой закончили. Я подписала ведомость передачи чертежей, Тарасов проверил свою часть. Сам подряд от имени города подписал член управы, следом расписался Вельский, и, отложив перо, сказал:

- Ну, господа, пора за работу. Завтра Денис Иванович пришлёт вам вопросы по первой группе чертежей.

- Пусть лучше приезжает сам, - предложила я. - Завтра я буду в бюро. Если вопросов много, быстрее разобраться лично.

- Пожалуй, так и сделаем.

Пока бумаги собирали и раскладывали по папкам, Лосев подошёл ко мне.

- Александра Николаевна, полагаю, о заключении договора следует сообщить в газетах. Если не возражаете, я возьму это на себя.

- Разве городская управа не собирается публиковать известие?

- Разумеется, собирается, но там будет сухое официальное сообщение. А публике интересны подробности. Большой мост, женщина-инженер во главе проекта, ваша победа в конкурсе…

- О победе уже писали, - напомнила я. - И с руководством прошу быть осторожнее. Изготовлением конструкций занимается завод, на стройке будет свой производитель работ. Наше бюро разрабатывает проект и наблюдает за его исполнением в пределах порученного нам и только.

- Всё так и изложим.

- Перед отправкой в редакцию пришлите статью мне, - вмешался Пётр.

- Непременно, Пётр Ильич.

Я была благодарна мужу за предусмотрительность. Лосев вроде бы всё понял, но газетчики иной раз так изложат сказанное, что потом диву даёшься. А уж оказаться единственной ответственной за весь мост мне совершенно не хотелось.

Мы уже собирались уходить, когда к нам снова подошёл Вельский.

- Александра Николаевна, могу я обратиться к вам с одной просьбой?

- Слушаю вас.

- Хотелось бы побывать на вашем предприятии. Денис Иванович немало рассказывал о двигателе Огнеслава Степановича, да и я кое-что о нём слышал. Признаться, любопытство разбирает.

- Приезжайте, Андрей Павлович. Только договоримся заранее, чтобы Огнеслав Степанович был в настроении, - улыбнулась я.

- Настолько суров?

- Когда занят, лучше ему не мешать.

- Понимаю, понимаю. У талантливых людей свои причуды.

Пётр принял у служителя мою шубу, но надевать её я не спешила. Мне стало любопытно, к чему клонит Вельский.

- Вас и производство двигателей интересует?

- Пока присматриваюсь, - ответил мужчина. - Французские партнёры охотно обсуждают новые производства. У вас есть желание работать и во Франции?

- Есть. Но сначала нужно разобраться с патентом. Поверенный сообщает о задержке.

Вельский задумчиво покивал.

- Если вам понадобится найти предприятие для переговоров, обращайтесь. С некоторыми владельцами я знаком лично.

- Благодарю, будем иметь в виду, - отозвался Пётр.

Вельский коротко глянул на моего мужа, затем снова обратился ко мне:

- Полагаете, самоходные экипажи останутся дорогой забавой?

- Смотря кто и как возьмётся их производить. По одному делать, конечно, дорого. Нужно выпускать одинаковые машины, чтобы детали к ним подходили без переделки, тогда и цена станет доступнее.

- До какой степени?

- Пока не посчитаем все расходы, не назову. Сейчас мы ещё слишком многое подгоняем вручную.

- А если представить, что с этим справились? Кто станет вашим покупателем?

Я задумалась. Однако, какой занимательный разговор у нас выходит.

- Для начала торговцы и предприятия. Им нужно возить товары. Если машина обойдётся выгоднее лошадей, заказчики найдутся, но, как вы и сами понимаете, придётся обучить людей, которые смогут ею управлять и чинить.

- Вас, значит, занимает и это?

- Безусловно. Продадим экипаж, а он через неделю встанет из-за пустяка. Хозяин в панике, ищет спешно мастера, товар к покупателю не доставлен, деньги потеряны. Следующую машину он у нас уже не купит…

Вельского занимало, что изменится, когда таких машин станет много. Я отвечала, а он время от времени уточнял, почему я так думаю.

- У вас редкая привычка думать дальше первой продажи, Александра Николаевна, - скупо улыбнулся он, глядя на меня своими странными полупрозрачными голубыми глазами.

- Отец приучил, - ответила я. - Ему было важно понимать, как люди будут пользоваться тем, что он построил.

- Николай Александрович занимался с вами сам?

- Да. Позднее я и сама много училась.

- Ещё до курсов заинтересовались инженерным делом?

- Вы ведь знаете, я выросла среди его чертежей, - улыбнулась я.

Я ждала следующего вопроса, но он поблагодарил меня за беседу и добавил:

- Буду рад продолжить знакомство. Надеюсь, вы найдёте время для разговора вне заседаний.

- Заезжайте к нам на Бассейную, - предложила я и покосилась на Петра. Муж согласно кивнул.

Договорились списаться после Нового года. Пётр помог мне надеть шубу. Вельский простился с нами и вернулся к Лосеву.

У кареты нас ждал Макар. Мы с Петром устроились внутри, охранник сел возле кучера.

- Ну, что скажешь? - спросил муж, когда отъехали от управы.

- Любопытный человек. И вопросы задаёт толковые. Весьма… - задумчиво протянула я.

- Он старается понять, с кем имеет дело.

- Это верно. Только я думала, спросит прежде о прибыли, а он меня всё про экипажи да будущих покупателей расспрашивал.

- Ему тоже нужно решить, чему ещё перспективному уделить внимание. Одним мостовым заказом дела Вельского, насколько я знаю, не ограничиваются.

Я согласно кивнула и улыбнулась. Впервые человек со стороны расспрашивал о самоходном экипаже без снисходительности и скрытой усмешки.

Пётр укрыл мне колени меховым покрывалом.

- На завод поедем вместе, - добавил он.

- Разумеется. Только предупредим Огнеслава Степановича, чтобы показал не всё, мало ли…

***

Васька дожидался нас в передней. Едва я сняла шубу, как он вскочил со скамьи и шагнул навстречу, прижимая к груди плоский пакет.

- Готово, Александра Николаевна!

- Давай сюда! Петя, иди скорее, нашу карточку принесли.

Перешли в гостиную. Васька положил пакет на стол, развязал бечёвку и осторожно вынул фотографию.

Дядя сидел в середине, рядом чета Громовых-старших. За ними стояли мужчины, по бокам разместились остальные. Я сразу отыскала себя и Петра. Ангара у моих ног тоже попала в кадр.

- Получилась! - обрадовалась я. - Вася, какой же ты молодец!

Он просиял и засуетился.

- Павел Карлович помог с проявлением. Сказал, впредь надо всех посвободнее расставлять. Вот здесь тесно вышло.

- Нас и было много. Мотя, поди сюда!

Мотя вошла и тоже склонилась над карточкой.

- А чегой-то я такая суровая? - ахнула она, всплеснув руками.

- Ты всё боялась, что Васька дом спалит, - напомнила я.

- Да, страшно было, что правда, то правда! А вдруг полыхнуло бы?

- Матрёна Ильинична, верьте мне чаще, я профисинал! - Вася с довольным видом округлил тощую грудь.

Мотя осмотрела снимок ещё раз.

- А Дуняша хорошо вышла. И Антон… Надо бы им тоже такую.

- Будет, - пообещал мальчишка. - Павел Карлович ещё отпечатает. Михаилу Константиновичу я уже отнёс.

- И что дядя сказал? - спросила я.

- Велел ещё карточек сделать, хочет друзьям в Иркутск отправить.

- Есть будешь? – спросила няня мальчишку.

- Буду, - охотно согласился тот.

- Ступай на кухню. Прасковья ватрушки испекла. Только руки сначала помой!

Мальчишка, радостно гикнув, пулей вылетел из гостиной, Мотя, качая головой, пошла следом за ним. Мы с Петром остались вдвоём. Я взяла его за руку.

- Что? - улыбнулся он, переплетая свои пальцы с моими.

- Рада, что ты рядом.

Муж притянул меня к себе и поцеловал в висок.

- Матрёна Ильинична, ещё одну можно? - донёсся с кухни Васин голос.

- Да ешь ты, не спрашивай!

- Петя, а ведь Васьки на снимке нет. Надо попросить Павла Карловича в следующий раз приехать самому. Хочу, чтобы и Вася с нами был.

Фотографию я убрала в ящик стола, чтобы нечаянно не испортить. Завтра куплю рамку и поставлю карточку на полку в кабинете, рядом с нашим свадебным снимком и портретом родителей.

Глава 8

- Выдали, - сообщил Пётр, входя ко мне в кабинет. - Французский патент на двигатель Костовича.

Я тут же вскочила и протянула руку.

- Правда?! - выдохнула неверяще. - Дай взглянуть!

Поверенный извещал, что патент оформлен, описание с приложениями доступно для ознакомления. Сам документ и подробный отчёт он обещал отправить ближайшей почтой.

- Неужели дождались! Вот Огнеслав Степанович обрадуется.

- Ему сообщим немедленно, - улыбнулся Пётр. - Напишешь?

Я уселась за стол и быстро вывела: «Огнеслав Степанович, поздравляю! Французский патент выдан», - и приписала: «Готовьте угощение».

Хотелось самой съездить на завод, поглядеть на довольную физиономию Костовича. Столько месяцев ждали!

- И Рудневу нужно дать знать, - добавил Пётр, ласково на меня глядя.

- Да. Пора заканчивать с французскими поручениями Роману, - кивнула я.

Теперь Вернье сравнит оба варианта испарителя, и, как следствие, у него возникнут вопросы к Роману.

- Только бы он не вздумал оправдываться на свой лад, - добавила я.

- Мы его предупредили.

- Сомневаюсь, что наше благополучие заботит его сильнее собственного, - хмыкнула я.

Муж спорить не стал. Я написала Степану Герасимовичу короткую записку, попросила Петра снять копию телеграммы и позвала Макара распорядиться об отправке.

Ответ Руднева доставили через полчаса.

«Роман с утра на Миллионной. За домом наблюдают».

Я отдала бумагу Петру.

- Значит, уже сравнили, - нахмурился муж.

- Макар, поезжай к Степану Герасимовичу, - распорядилась я. - Останешься в его распоряжении. Романа после встречи с французом привезёшь сюда.

***

Интерлюдия

Делорм сразу провёл Романа в кабинет. За письменным столом сидел Вернье. Морель стоял возле него, положив ладонь на развёрнутый чертёж.

- Подойдите, - велел француз.

Роман приблизился, чувствуя как сердце ускорило бег, а ладони вспотели. Девятнадцатый номер он узнал сразу. Рядом лежала другая копия с пояснениями по-французски.

- Это доставили из Парижа, - пояснил Люсьен. - Описание двигателя, на который Костович получил патент.

- И что же, господин Вернье?

- Теперь нам известно, что проданный тобой испаритель совершенно негодный.

Роман переступил с ноги на ногу.

- Так ведь вы сами говорили, машина работает…

- Работала, - вмешался Морель. - Мы, как только увидели эти чертежи, провели испытания ещё раз, и через три часа мотор начал дымить и терять силу. Причина вот здесь. - Он указал карандашом на разрез камеры. - У нас пластина снаружи, под кожухом. В настоящем устройстве она внутри камеры. И обходной канал шире. Заслонка должна отводить часть горячих выхлопных газов в обход испарителя, чтобы он не перегревался. В нашем двигателе она открывается слишком поздно.

- Вот ведь шельмы! - возмутился Роман. - Тогда зачем они свой девятнадцатый номер держали под замком? Стерегут ведь что-то хорошее.

Вернье достал из папки ещё одну бумагу.

- Посмотрите на дату подачи прошения. Правильное устройство описано здесь раньше, чем вы сообщили мне о новых исправлениях.

Роман бросил быстрый взгляд на даты. Возразить сразу не получилось.

- Может, после ещё переделывали? Я ведь не инженер.

- Это мы знаем, - отозвался Делорм.

Морель собрал свои записи. Вернье отпустил его, дождался, пока дверь закроется, и предложил Роману сесть.

- Расскажите ещё раз, как вы получили чертёж.

Роман повторил, как услышал разговор в заводской конторе, о чём спорили инженеры.

Француз попросил повторить. На третьем круге Роман начал злиться.

- Да сколько можно? Что взял, то и принёс. Вы довольны были, награду дали. А нынче я виноват?

- Меня интересует, когда вас поймали.

Роман замолчал.

- Оболенская ведь могла выйти на вас и предложить вам сохранить свободу за небольшую услугу.

Роман заставил себя усмехнуться.

- Ежели бы так было, я бы здесь не сидел.

- Вы как раз здесь и сидите, чтобы шпионить за мной и носить сведения бывшей графине.

Делорм по знаку хозяина вышел и вскоре вернулся с широкоплечим мужчиной. Тот остался у двери. Роман возмущённо подскочил.

- Я ничего не знаю. Полагаю, наш разговор окончен, как и сотрудничество. Я не работаю с теми, кто мне не доверяет. А ещё мне товар принимать надо, - и шагнул было к выходу, но широкоплечий загородил дорогу.

- Вы чего удумали? Я вам не крепостной.

- Сядьте. Сегодня вы задержитесь у нас, - надавил голосом Вернье. - Мы с вами не закончили.

- В полицию отдадите? - голос у Романа сорвался. - Так я там расскажу, кто мне за чужие чертежи платил!

Делорм выругался. Вернье помолчал, затем встал.

- Гаврила, побудь с ним.

Французы вышли. Гаврила подвинул к двери кресло и уселся. Роман уставился на патентное описание, прикидывая, что делать.

Рассказать про Оболенскую? А дальше? Француз захочет выяснить всё до последней мелочи. Кто выпустит его после такого признания? Люди Руднева наверняка следят за этим домом. Только с улицы не видно, что творится в кабинете.

- Господин Вернье попросил письменно изложить, как дело было. Можно?

Гаврила кивнул на стол. Роман взял перо, подвинул к себе чернильницу, попробовал на уголке, идёт ли чернило. Рука дрожала, и пришлось прижать запястье к столешнице.

Набросав несколько строк, он поднялся.

- Отдайте господину Вернье. Я пока остальное припомню.

Гаврила поднялся с кресла и потянулся к бумаге. Роман же, недолго думая, швырнул ему в лицо чернильницу и рванулся к двери.

Ручка повернулась, но дверь не поддалась. Его же заперли!

Услышав за спиной ругань, Роман метнулся обратно. Гаврила вытирал глаза рукавом. Роман схватил кресло и с размаху врезал бугаю по хребту. Гаврила охнул и покачнулся.

В коридоре торопливо застучали каблуки. В замке заскрежетал ключ.

Роман подбежал к двери сбоку и взялся за ручку. Едва Делорм начал открывать, он рванул створку на себя. Секретарь влетел в кабинет и налетел на стонущего Гаврилу. Роман рванул прочь, больно ударился о дверной косяк и помчался дальше.

Из соседней комнаты показался Вернье. Роман свернул в узкий проход к служебной лестнице. Этой дорогой его прежде выпускали на задний двор. На верхней ступени он поскользнулся. Неведомым образом смог удержаться за перила, перескочил последние ступеньки и налетел на женщину с корзиной белья. Корзина упала, по полу рассыпались полотенца.

- Ох ты, окаянный!

Он не остановился. Толкнул дверь во двор и выскочил на крыльцо.

Со стороны дома закричали. Роман добрался до калитки и, ухватившись за засов, дёрнул, но тот не поддался. Потянул сильнее, сдирая кожу с пальцев. Как вдруг воротник сзади затянули так, что перехватило дыхание!

- Попался, сукин сын! - прорычал Гаврила и прижал беглеца к воротам, ухватив за воротник.

Задыхаясь, Роман рванул пальто на груди. Пуговицы отлетели и он вывернулся из рукавов, метнувшись вдоль забора к поленнице. Гаврила отшвырнул оставшееся в руках пальто и бросился следом.

Дрова под сапогами качнулись. Роман едва не свалился, но успел вцепиться в верх забора. Гаврила ухватил его за правую ногу. Роман лягнул его левой, попал в плечо и вырвался.

Упёршись сапогом в поленницу, он подтянулся и рывком перекинул ноги через забор, разжал пальцы и кубарем свалился в снег по другую сторону.

За забором ругался Гаврила. Роман, прихрамывая, побежал прочь.

Свернув за угол ближайшего здания, наткнулся на Еникеева.

- Садись! - отрывисто бросил ему тот, ткнув в карету за спиной. Роман послушался приказа. Макар вскочил следом, кучер стегнул лошадь. Из калитки выбежал Делорм, но бросаться вдогонку не стал, лишь со злостью смотрел ушлым русским вслед.

Роман сидел, пытаясь отдышаться, но зубы стучали так, что никак не получалось выговорить и слова. Макар стащил с себя тулуп и набросил на него.

- Руки целы? Покажи.

Роман протянул ободранную ладонь.

- Пальто там… В кармане бумажник остался.

- Хочешь за ними вернуться? - хмыкнул Макар.

Роман замотал головой и спрятал руки под тулуп.

***

Степан Герасимович приехал первым.

- Что с Романом? - спросила я, поднимаясь ему навстречу.

- Макар везёт сюда. Выбрался из дома французов без пальто, хромает. Подробностей пока не знаю.

- За ними никто не увязался?

- Наши остались там, посмотрят.

Через несколько минут в передней послышались голоса. Роман вошёл в кабинет, придерживая полы Макарова тулупа. На коленях штанов темнели мокрые пятна, пальцы были ободраны до крови. Он добрался до кресла и осторожно сел, вытянув правую ногу.

- Ушиблись? - спросила я.

- С забора неудачно свалился.

- С забора?

- Калитку открыть не смог. Этот бугай сзади подоспел, за ворот схватил и пришлось ему пальто своё оставить.

Я позвала Мотю, попросила принести тёплой воды и чистого полотна. Няня оглядела Романа, покачала головой и вышла. Вскоре вернулась с тазом и кувшином, а следом Настя принесла чай.

Роман обхватил чашку ладонями и сделал небольшой глоток.

- Ну, рассказывайте, - предложил Пётр.

Тот начал с чертежей. Пересказал объяснения Мореля, вопросы Вернье. Когда дошёл до запертой двери и Гаврилы, голос у него повысился.

- Закрыли на ключ и ушли! А этот у двери уселся. Что мне оставалось?

- Что Вернье хотел узнать? - уточнила я.

- Когда вы меня поймали. Так и спросил. Потом объявил, что я за ним шпионю и вам всё передаю.

- Мою фамилию сам назвал?

- Сам! Это кто ему донёс, Александра Николаевна?

- Мог догадаться. Вы ведь принесли ему чертёж с изъяном, хотя к тому времени исправный двигатель уже был описан в прошении.

- Я ему твердил, что в машинах не разбираюсь, да всё без толку, - недовольно пробухтел Роман.

- Что-нибудь ещё он знал? О ваших встречах с нами спрашивал?

- Нет. Всё одно и то же. Откуда взял, как взял…

- Вы так и не признались? - спросил Пётр.

- Нет! И заперли они меня поди, чтобы попозже с пристрастием допросить. Если бы этот Гаврила был чуточку умнее, то не позволил бы мне взять перо и бумагу. Я воспользовался его тупостью и запустил в него чернильницей.

- Домой пока не возвращайтесь, - велел ему Руднев. - Адрес ваш французу наверняка известен.

- И куда мне теперь? - посмотрел на него Роман.

- Поживёте там, где я скажу. Человека к вам приставлю.

- Сторожить меня вздумали?..

- После сегодняшнего я бы на вашем месте от охраны не отказывался, - усмехнулся Руднев.

Роман помолчал, посмотрел на свои ещё кровоточащие царапины.

- А торговля? У меня товар заказан, завтра развозить надо. Мясо не станет ждать, пока мы с французом помиримся.

- Полагаете, что есть смысл мириться с Вернье? - скептически отозвалась я. - У вас же есть приказчик? Вот и составьте распоряжения, кому и что доставить. Мы всё ему передадим, не пропадёт ваш товар.

- А в полицию вы меня не отдадите? - посмотрел мне в глаза Роман.

- Наш уговор остаётся в силе, - кивнула я. - Никто вас никому не сдаст.

Роман с явным облегчением выдохнул и откинулся на спинку кресла. Он уже не дрожал, только время от времени осторожно массировал бедро ушибленной ноги.

- Степан Герасимович, пусть его осмотрит доктор, - попросила я. - Прежде чем куда-то повезёте.

Руднев кивнул. Мотя перевязала ему руки и вышла, вскоре вернувшись с каким-то старым пальто, которое и вручила Роману, тот поблагодарил её и взял одежду. Но прежде чем уйти, вдруг спросил:

- Надежда Павловна здорова?

- Когда я видела её в последний раз, была здорова.

- Александра Николаевна… Я хочу с ней свидеться… Попросить прощения.

- Я подумаю, Роман, - уклончиво ответила я.

Он кивнул, будто другого ответа и не ждал. А меня снова кольнуло неприятное чувство. После увольнения я помогла Надежде с жильём, написала рекомендацию, и всё собиралась узнать, как она устроилась, но по тем или иным причинам откладывала. То завод, то мост, потом переезд… А ведь она одна, и случившееся наверняка до сих пор сильно переживает.

Пётр увёл Романа в соседнюю комнату, чтобы записать распоряжения приказчику. Я задержала Руднева.

- Степан Герасимович, узнайте, как дела у Надежды Павловны. Нашла ли она службу, не нужна ли помощь. Только Роману об этом ничего не говорите.

- Разумеется.

- Делорм Макара видел?

- Видел.

- Если узнал, Вернье получит подтверждение своим подозрениям.

- Ну и пусть, - пожал плечами Руднев. - Эта карта уже разыграна.

- Наблюдение за домом продолжайте, но Ваську оттуда уберите.

- Уже. После такого переполоха там будут ко всем приглядываться.

Когда Степан Герасимович вышел, я вернулась к столу, достала бумагу и начала писать письмо Вельскому. Он предлагал познакомить нас с французскими промышленниками. Патент получен, можно начинать переговоры.

Вскоре вернулся Пётр.

- Посыльный только что принёс ответ от Костовича, - сообщил он мне. - Огнеслав Степанович велел тебе передать, что угощение с него, а с нас покупатели на двигатели. И как можно больше, чтобы очередь выстроилась аж до самой Сибири.

- Очень на него похоже, - рассмеялась я. - Завтра поедем?

- Поедем. Сегодня уже не успеем.

Он подошёл к столу и взглянул на начатое письмо.

- Вельскому?

- Хочу напомнить о его предложении.

- Напомни. А потом давай обедать.

Я посмотрела на часы. Действительно, было бы неплохо поесть. За всеми разговорами не заметила, как проголодалась.

Тут в кабинет заглянула Мотя:

- Прасковья спрашивает, подавать или вы опять до вечера есть не станете?

- Подавать, Матрёна Ильинична.

***

После обеда я развернула «Новое время», до которого с утра так и не добралась. На первой полосе сообщали о предстоящем бракосочетании государя с принцессой Алисой Гессенской.

- Петя, ты видел?

Муж взглянул на газету и кивнул.

- Николай Александрович всё-таки убедил принцессу стать его женой. Венчание назначили на пятнадцатое января в Большой церкви Зимнего дворца.

Я пробежала текст глазами. Из-за траура по Александру Третьему придворных празднеств не предполагалось.

- Я думала, после её отъезда всё расстроилось.

- Оказывается, нет. Давно он её любит, Саша. Так просто не отказался бы.

Я промолчала. Когда принцесса уехала в Дармштадт, я позволила себе думать, что свадьба отменится и того будущего, что ждало царскую семью не случится. Перед глазами стояли фотографии больного мальчика, будущего наследника. Зная, сколько страданий выпадет на его долю, я тихо надеялась на иной исход.

И пусть история шла иначе в подробностях, но главные события повторялись.

Неужели и дальше всё случится так, как я знала? Война с Японией, революция?

Я опустила газету. Делать такие выводы из одного известия было рано. Даже мой собственный опыт показывал, что изменить чужую жизнь можно. Прокофий жив, дядя рядом со мной, Дуняша скоро выйдет замуж. Если бы я тогда не помогла ей, Евдокия бы не выжила.

- Ты расстроилась? - спросил Пётр.

- Задумалась. Хочется, чтобы они были счастливы.

- Будем надеяться.

Чуть позже я поехала в бюро. Пётр остался дома заканчивать свои дела, а со мной отправился Макар.

В чертёжной Тарасов с Веретенниковым стояли возле стола, на котором расстелили план строительной площадки. Веретенников передвигал по нему прямоугольники, вырезанные из картона.

- Что у нас здесь? - спросила я, подходя ближе.

- Прикидываем размещение материалов, - ответил Веретенников. - И порядок доставки. Вон, глядите, Селиванов прислал свои предложения.

Я сняла перчатки и взяла письмо.

- Он просит указать, какие детали отправлять первыми.

- Да, - подтвердил Тарасов. - После проверочной сборки пролёт разберут для перевозки. Если заранее согласуем порядок доставки, на заводе смогут подготовить каждую партию по нашему перечню.

- Тогда составим его, - отозвался Веретенников, - к первым балкам сразу должны приложить накладки для их соединения, чтобы мы могли начать сборку.

- Хорошо, - кивнула я.

Мы вернулись к плану. Веретенников показал место временной мастерской, проход к воротам. Я попросила завтра проверить расстояния на участке. На бумаге свободного места хватало, но размеры сарая и ширину спуска следовало уточнить.

Степанида Кузьминична принесла чай и традиционно бутерброды.

Нас ждал очередной рабочий день.

Глава 9

- А покупатели где? - вместо приветствия спросил Огнеслав Степанович.

- Очередь до Сибири за ночь не соберёшь, - улыбнулась я.

- Значит, вы рано приехали.

- Нам развернуться и уйти? И поздравить нельзя?

Костович рассмеялся и протянул мне руку.

- С этим можно. Проходите, у меня всё готово.

Он повёл нас к себе. На столе возле самовара стояло блюдо с пирожками, прикрытое салфеткой. Я передала ему коробку от Прасковьи Тимофеевны.

- А это к чаю от нас.

- Зачем же вы везли? Я ведь обещал угостить, - но коробку взял и тут же заглянул внутрь, потянул носом и довольно зажмурился.

Пётр помог мне снять шубу, а Огнеслав Степанович распорядился принести ещё посуду.

- Сам патент скоро пришлют?

- Поверенный обещал отправить ближайшей почтой, - ответил Петя. - Вместе с копиями описания и чертежей.

- Поставлю в рамку, буду перед гостями хвастаться.

Я кивнула и улыбнулась.

- Что ж, господа, поздравляю и вас. Без вашей настойчивости я бы с французскими бумагами ещё долго возился, а то и вовсе махнул бы на них рукой.

Я подошла и обняла его. Костович замер, неловко похлопал меня по спине.

- Осторожнее, Александра Николаевна. У меня на сюртуке масло.

- Переживу, Огнеслав Степанович. Я просто рада, что вы когда-то согласились поработать со мной и рискнуть всем.

- Ну уж и всем! - он смущённо кашлянул и принялся рассаживать нас за столом. - Это я вас благодарить должен за шанс доказать, что мой мотор не хуже заграничных.

Не успели мы налить чай, как в дверь постучали. Мастер принёс тетрадь с записями об испытаниях второго двигателя для Лейтнера.

- После посмотрите, - предложил Пётр.

- Мы быстро, - одновременно ответили мы с Костовичем.

Муж вздохнул и взял пирожок, приготовившись ждать неугомонную жену и не менее непоседливого изобретателя.

Костович прочёл записи и расспросил мастера о вчерашнем пуске. Перед отправкой велел ещё раз проверить соединения.

- И впрямь быстро, - одобрил Пётр. - Я даже чай выпить не успел.

- Мы только начали, - улыбнулась я мужу. - Огнеслав Степанович, кто уже к вам обратился за мотором?

Костович достал из стола письма. Заказ на двигатель для мастерской он уже принял. Хозяин хотел приводить от него станки и внёс задаток. Ещё один покупатель собирался переделать свой паровой катер. О нашей осенней поездке он слышал от знакомого и теперь расспрашивал о расходе топлива.

- Этот пока деньги бережёт, - пояснил Огнеслав Степанович. - Хочет сперва наш катер посмотреть. Я обещал показать, когда река откроется.

- Правильно делает, - согласилась я.

- Не могу с вами не согласиться. Я ему в ответном письме написал, что за двигатель одна цена, а за переделку другая, что у него внутри судна творится, я ведь не знаю. Может, там вал менять придётся.

Пётр попросил показать условия первого заказа. Пока он читал, я спросила, когда смогут изготовить мотор.

- После Риги и начнём.

- А человек, который будет за производством двигателя следить, у покупателя есть?

- Обещал прислать механика.

- Тогда его и научите запускать мотор, масло подавать, за охлаждением смотреть.

- Да-да, на будущей неделе приедет, всему его обучу.

Пётр вернул ему договор и попросил точнее указать, кто оплачивает доставку двигателя покупателю, остальное его устроило.

Костович потянулся за своей чашкой.

- Кроме поздравлений, вы меня отдельно по автомобилю торопить приехали?

- И по нему тоже, - призналась я.

С Лейтнером Огнеслав Степанович переписывался постоянно. Сейчас для «Победы» подгоняли кузов, до завершения работы осталось несколько месяцев.

- Александр Александрович сроков не менял? - уточнила я.

- Пока нет. Мастер обещает кузов к марту, но я бы и апрель из расчёта не выбрасывал.

- Если в апреле закончат, до поездки времени останется совсем мало.

- Поэтому и прошу его ничего нового не придумывать.

- Место для инструмента заложили?

- Да, конечно, - заверил Костович. - И для запасной цепи место есть. Вы лучше подумайте, кто с нами поедет.

- Тимофей, если согласится. Он машину собрал, ему и в дороге с ней разбираться.

- У него жена и дети, сложно будет уговорить, но, надеюсь, что он всё же поедет. Я уже писал Александру Александровичу, что без механика нам там делать нечего.

Я пригубила чай, думая о том, что после окончательной сборки нам предстоит испытать «Победу» с полной нагрузкой, проверить, насколько удобно добираться до двигателя. В дороге придётся чинить самим, без заводской мастерской под боком, поэтому нужно быть готовыми ко всему.

- Перед отправкой я хочу несколько раз проехать с Тимофеем, - сказала я. - И не вокруг двора.

- Поедете, куда ж вы денетесь, - хмыкнул Костович. – Попробуй я вам откажи, вы ж мне житья не дадите.

Я рассмеялась и, достав из сумочки конверт, вернула разговор к Франции.

- Это ответ Вельского. Сегодня он, к сожалению, приехать не сможет.

Я развернула письмо и прочла вслух:

«Прошу простить меня, Александра Николаевна. Как бы мне ни хотелось посетить Огнеслава Степановича и лично поздравить его с получением патента, на этот раз я лишён такой возможности. Заграничные дела требуют моего отъезда, и покидаю я Петербург надолго. Надеюсь по возвращении ещё заслужить ваше приглашение».

Дальше Вельский поздравлял нас обоих и подтверждал своё обещание помочь. Он предлагал познакомить нас с владельцами двух французских предприятий. С одним уже прежде говорил о нефтяных двигателях, второй подыскивал машину для выпуска в своих мастерских.

«О получении патента и вашем намерении предоставить право производства по лицензии я сообщу им сам. Если вы согласны, укажу адрес вашего поверенного для дальнейшей переписки. Разумеется, ни цены, ни иных обязательств от вашего имени принимать на себя не стану».

Я передала письмо Огнеславу Степановичу. Тот прочёл его ещё раз и вернул мне.

- Сам во Францию едет?

- Пишет только, что по заграничным делам, - пожала плечами я. - Когда вернётся, не сообщает.

- Жаль. Мне бы хотелось с ним поговорить.

- Поговорите позже. А пока он может нас заочно представить своим партнёрам.

Вельский также предлагал помощь банкирского дома при расчётах. Пётр обещал запросить размер вознаграждения за перевод денег. Если нас всё устроит, будем пользоваться.

- Дадим право выпускать наш двигатель во Франции. За лицензию заплатят отдельно, а затем будем получать оговорённую сумму с каждого изготовленного мотора, - добавила я.

- И пусть прежде покажут свои мастерские, - добавил Костович. - По одному письму я им своих чертежей для изготовления не пошлю. Описание в патенте прочтут, а как делать, ещё поучиться надо.

- Да, следует посмотреть их мастерские и познакомиться с людьми, - согласилась я.

Пётр записал все острые вопросы, чтобы обсудить их с французскими заводчиками до начала сотрудничества.

Помощь Вельского оказалась кстати. Самим разыскивать подходящие предприятия пришлось бы через поверенного. Рекомендация Андрея Павловича могла сберечь нам время и нервы.

- Предлагаю заказать французскому заводу двигатель для «Победы». Вы можете туда поехать, чтобы проследить за его изготовлением, - предложила я Костовичу. - И увидите, способны ли они выпускать его как положено.

- Александра Николаевна, нам бы первый испытать как следует.

- Конечно. В Риге автомобиль обкатаем с нашим мотором, а во Франции установим изготовленный там. Но до состязания должны успеть проверить и его.

Проще было бы отвезти во Францию «Победу» с уже испытанным российским мотором, но по тамошнему закону изобретателя могли лишить патентных прав, если он без особого разрешения ввозил из-за границы запатентованное изделие. Своё производство французы берегли. Рисковать патентом, которого мы столько месяцев добивались, мне не хотелось.

- Тогда знакомиться надо сейчас, - потёр подбородок Огнеслав Степанович. - Пока они письма получат, пока ответят… Если договор подпишем весной, к июню ничего не успеем.

- Сегодня и ответим Вельскому, - согласилась я. - А поверенного попросим связаться с заводами, как только получит от него известие.

Самовар успел остыть, пока мы это всё обсуждали. Я потянулась за последним пирожком, но Огнеслав Степанович опередил меня. Заметил протянутую руку и смутился.

- Вам оставить?

- Ешьте, Огнеслав Степанович. У меня дома ещё есть.

Он разломил пирожок пополам и положил половину мне на тарелку.

- Вот теперь справедливо.

В дверь опять заглянул мастер. На этот раз Костович поднялся сам.

- Идёмте, покажу, что мы сейчас делаем…

***

Интерлюдия

Профессор Хомутов принял Вернье в кабинете и, едва лакей подал кофе и вышел, спросил:

- У вас новый посыльный? Что стало с прежним?

Вернье сделал глоток кофе и ответил:

- Известие о патенте во Франции я получил в тот же день, когда вы должны были встретиться с Романом и передать ему пакет с бумагами. Пришлось срочно менять планы и звать Романа к себе. К вам отправили другого человека, пока мы держали Романа у себя.

Хомутов нахмурился, недовольно пожевал губами.

- В посланном вами человеке я сильно усомнился. Некий незнакомец утверждает, что он заместо Романа и требует отдать ему пакет… Поэтому я бумаги и не отдал. Даже записка от вас меня не убедила.

- И мы потеряли день, - осуждающе покачал головой Вернье.

- Ну уж извините, на каторгу мне вовсе не хочется.

- Ладно уж, - махнул рукой француз, - главное, копии экспертных заключений по железнодорожным проектам всё-таки были отправлены во Францию. Финансисты получили возможность ознакомиться с ними до официального решения. Эту работу, пусть и с некоторым опозданием, всё же удалось закончить.

Хомутов помолчал.

- Роман меня знает, он уже забирал у меня пакеты. Если его расспросят…

- Он мог рассказать о вас задолго до этого дня, - перебил Вернье. - Что им известно о прежних передачах, мы непременно выясним.

- Смотрите мне, если я пойду ко дну, вы отправитесь со мной, - буркнул Хомутов.

Вернье оставил замечание без ответа и перешёл к другому вопросу:

- На Миллионную больше не приезжайте. И ничего туда не посылайте. Передачи временно прекращаем.

- Как надолго?

- Я свяжусь с вами сам, - и вынул из внутреннего кармана плотный конверт. - Это за подготовленные заключения. Всё как договаривались.

Хомутов принял деньги и тут же их пересчитал. Убрал конверт в ящик стола, запер и лишь после этого поднялся, чтобы проводить гостя.

- Надеюсь, впредь о подобных переменах вы будете предупреждать меня заранее.

- Тут уж извините, бывает и так, что проблема возникает ниоткуда и решать её нужно немедля. С Романом некрасиво вышло, но он не должен был до вас добраться. Мы успели его перехватить до встречи с вами, ещё и сбив слежку псов Оболенской…

***

- Дуня, не вертись, - в который раз попросила Мотя. - Куда мне шпильку-то деть, если ты всё время головой крутишь? Смотри, как в ухо воткну, оглохнешь ведь!

- Я не верчусь, - замерла Дуняша, опасливо покосившись на шпильку в руках няни.

- Вот и стой так, дышать можно.

Дуняша встретилась со мной глазами в зеркале и виновато улыбнулась.

После Святок наконец настал день её свадьбы. Накануне она перебралась к Степаниде Кузьминичне, а мы с Мотей приехали утром помочь ей одеться. Степанида поправляла светлое платье, няня закрепляла фату. Фома Акимыч заглянул спросить, не надо ли чего.

- Фома, иди к воротам, карету жди, - велела ему Степанида.

- Так я уже отправил туда человека.

- Ступай следом, дай нам спокойно собраться.

Я открыла привезённую коробочку и подошла к Дуняше:

- Это тебе.

Девушка восторженно ахнула, осторожно взяла серьгу с крупной жемчужиной, и прошептала:

- Какая красота…

Я купила эти серьги ещё перед Рождеством и не прогадала, Дуне они очень шли.

- Ну-ка, дай помогу, - Степанида протянула к девушке руку. - А то у тебя вона как пальцы дрожат, уронишь ещё, сломаешь красоту эдакую.

Пока ей надевали серьги, я убрала пустую коробочку. Дуняша, думая, что я не вижу, снова на меня посмотрела и тут же отвела глаза.

- Что ты хочешь спросить? - улыбнулась я.

- Александра Николаевна, а можно будет к вам иногда в гости приходить?

- Не иногда, забегай хоть каждый день.

- А к нам захаживать станете?

- Конечно, - кивнула я.

Она облегчённо улыбнулась.

- Я Антону сказала, чтобы чашек побольше купил.

- Умница. Матрёна Ильинична, слышали? Нас уже ждут на чаепитие. Впервые пирогов Дуниных испробуем.

Няня взяла со стула шубку невесты.

- Я люблю по гостям ходить, да пироги румяные трескать, - хмыкнула она и добавила: - а теперь одевайся, скоро уж карета приедет.

***

Антон ждал у церкви. Наша карета остановилась аккурат напротив него, жених шагнул вперёд и помог невесте выйти.

Дуняша смотрела только на суженого. Тот провёл ладонью по рукаву её шубки, поправил выбившуюся прядь и вдруг улыбнулся так, что я сама невольно улыбнулась, понимая, что именно они оба сейчас чувствуют.

Пётр встретил меня у входа. В церкви Мотя встала рядом со мной.

Когда начались молитвы, я сосредоточилась на происходящем.

Дуняша держала свечу обеими руками. Антон стоял прямо, подбородок приподнял, но то и дело поглядывал на невесту. Она отвечала ему короткой улыбкой, при этом внимательно слушая священника.

Я вспомнила больничную палату Штейна и надсадный Дуняшин кашель. Как она украдкой наблюдала за мной, не понимая, отчего графиня вдруг переменилась. Тогда мы обе боялись будущего…

После венчания Дуняша смеялась и плакала, пытаясь поблагодарить всех сразу.

Обедать поехали на Литейный. Дядя ещё при первых разговорах о свадьбе объявил, что места у него хватит всем.

Прасковья с Фёклой встретили нас с настойчивой просьбой скорее садиться, пока всё не остыло.

Михаил Константинович поднял бокал.

- Живите дружно. И нас навещать не забывайте.

За разговорами и поздравлениями не заметили, как подали сладкое. Когда все доели десерт, Михаил Константинович повернулся ко мне:

- Сашенька, сыграешь нам?

Я взглянула на Дуняшу.

- Если хотите.

- Очень! - выпалила она и тут же смутилась. - Только если вы не устали.

И мы все дружно перебрались в гостиную. Пётр подвинул для Моти кресло, Антон усадил рядом с ней жену.

Я подумала секунду, что же сыграть такого интересного, чтобы порадовать всех гостей и, пришедшая на ум песня, тут же заставила меня улыбнуться. Провела пальцами по клавишам и мелодия полетела. А потом я запела.

В мире, где кружится снег шальной,
Где моря грозят крутой волной,
Где подолгу добрую
Ждём порой мы весть…
(«Мы желаем счастья вам». Слова: И. Шаферан, музыка: С. Намин).

Вскоре запели все вместе. Мотя старательно выговаривала незнакомые слова, Васька вступал громче всех. Фома Акимыч удивил меня басом. Степанида, изумлённо вскинув брови, повернулась к нему, послушала, улыбнулась, и тоже присоединилась.

К концу песни подпевала даже Дуняша. Она пела, не отводя взора от мужа. Антон глядел на жену и глаз не мог отвести.

Последний аккорд я взяла тише. Несколько мгновений мы сидели молча, затем Мотя потянулась за платком.

- Опять ты нас до слёз довела.

- Я ведь весёлую песню выбрала!

- Хорошая песня, - вмешался дядя Михаил. - Ещё бы разок, а то я только слова запомнил.

Пётр подошёл к роялю.

- Подвинешься?

Я освободила ему место на скамье.

- Ты не пел, - шепнула ему.

- Я слушал тебя.

Он взял мою руку, поцеловал и отпустил, чтобы я могла снова играть.

- Давай ещё разок, я тоже подпою, - подмигнул он мне. - Песня уж больно хорошая.

Я положила руки на клавиши и снова заиграла «Мы желаем счастья вам».

За окном кружился снег. В свете фонаря снежинки танцевали под мою музыку. Я смотрела на родные лица и старалась запомнить всё: руку Петра на своей талии, дядины глаза, полные тепла, счастливые улыбки друзей. Я знала, как неумолимо время, как оно отнимает то, что ещё вчера казалось вечным. Мне хотелось сберечь весь этот вечер, до последнего звука, чтобы, если вдруг наступят тёмные времена, я могла закрыть глаза и оказаться здесь, среди дорогих, бесконечно любимых мной людей… И отыскать силы эти времена пережить.